

Ирина Градова

ПОСЛЕДНИЙ СЕКРЕТ

Парацельса

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Врачебные секреты

Ирина Градова

Последний секрет Парацельса

«ЭКСМО»

2010

Градова И.

Последний секрет Парацельса / И. Градова — «Эксмо»,
2010 — (Врачебные секреты)

Бессмертие – извечная мечта человечества. Ближе всего к разгадке тайны продления жизни подошел Парацельс, врач и алхимик эпохи Возрождения. И в наши дни у него нашлись последователи... Врач-анестезиолог Агния Смольская с головой погрузилась в приятные хлопоты: она выходит замуж за своего коллегу, хирурга Олега Шилова! Радость омрачают служебные неприятности Олега: он успешно провел операцию, но пациент все равно умер от внезапной гангрены. А вскоре его тело бесследно исчезло из больницы! Однако Шилов успел обнаружить кое-что интересное: по документам мужчина был гораздо старше, чем на самом деле. Неужели кто-то открыл вакцину вечной молодости и ставит с ней опасные эксперименты?..

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ирина Градова

Последний секрет Парацельса

Пролог

1538 год, Кольмар (Чехия)

Филипп с явным трудом приподнял ногу в массивном сапоге, сейчас показавшемся ему еще тяжелее, чем обычно. Черт, а ведь он еще не стар – всего сорока пяти лет от роду, – самый расцвет для мужчины! Говорят, что Филипп ведет неводержанный образ жизни – ха, да что они понимают?! Вино помогает ему видеть вещи такими, какими они на самом деле и являются. Без прикрас. Благодаря вину и просветлению, которое оно вызывает, он написал немало книг, ставших сенсацией в научном мире. Он не верит в Бога? Ну, это, разумеется, серьезное обвинение, но, с другой стороны, как он может верить в то, чего не видел? А видел он чертовски много...

– Осторожней, мальчик! – взревел Филипп, когда маленький слуга дернул вверх слишком сильно и раздувшаяся кость на правой ноге причинила сильную боль.

Мальчишка сжался от страха и тут же принялся сыпать извинениями. Этот маленький ублюдок боится его вне всякого сомнения. Интересно, что ему рассказали про Филиппа – будто он колдун, способный наслать на парнишку порчу или, в самом лучшем случае, превратить в крысу?

Ученый вновь откинулся на спинку кресла с выражением удовлетворения на лице. Что ж, страх обычно порождает уважение, а уважение почетно, независимо от того, чем вызвано, разве не так? Филипп никогда не заблуждался на свой счет: его мало кто любит. Однако он ведь и не ищет всенародной любви! Ему достаточно того, что имя Парацельса вызывает всплеск эмоций везде, где бы оно ни прозвучало. Кто-то его сторонится, кто-то откровенно побаивается, другие взирают ему вслед чуть ли не со священным трепетом. И имя он себе выбрал вполне подходящее – Парацельс, что значит «подобный Цельсу», знаменитому лекарю античности. Сын надзирательницы богадельни Бенедиктинского аббатства в Айнзидельне и сельского врача вряд ли мог рассчитывать на блестящую карьеру. Отец имел возможность обеспечить ему поступление в какой-нибудь университет, но вместо этого Филипп, взяв деньги, с трудом собранные родителями, отправился путешествовать. Разумеется, сын не предупредил никого о том, что в его планы не входило несколько лет корпеть над учебниками, внимая старым, глупым, закоснелым профессорам, которые дрожат над каждым словом старинных фолиантов. Нет, он не собирался тратить зря свою молодость.

Путешествуя по свету, Филипп прошел такую школу, какой не даст ни один университет мира! Он учился медицине у старух-знахарок, цирюльников, цыган и даже палачей. Последнее, между прочим, вопреки расхожему мнению и всеобщей нелюбви, немало знают о человеческой физиологии. Он лечил богатых, бедных, мужчин и женщин; он первым по-настоящему занялся женскими болезнями, тогда как до того лишь ведьмы и повивальные бабки кое-как разбирались в этой сложной материи. Отсутствие диплома и ученой степени компенсировалось нужными знакомствами, приобретенными благодаря умению врачевать. Филиппу удалось получить место профессора с хорошей оплатой в Базельском университете. Он снова столкнулся с отторжением коллег – потому что отрицал общепринятые подходы к медицине. Филипп написал множество научных трудов, но не на латыни, а на разговорном немецком языке, что являлось вопиющим нарушением университетских порядков.

Лечение, предложенное Филиппом, было эффективнее, чем действия его ученых коллег, но это вызывало лишь зависть и не давало признания! Его «Учение о сигнатуре», не имеющее

аналогов, подвергалось резкой критике, как и большинство других трудов, а ведь именно он впервые использовал ртуть, серебро, сурьму и золото для лечения значительного числа заболеваний!

Да, опыт он ценил гораздо выше книжных знаний и всегда утверждал, что никто не может стать хорошим практикующим врачом, начитавшись одних только трудов известных предшественников. Филипп был успешен, и это страшно раздражало ученый мир любого города, куда бы он ни прибывал со своей миссией. Его травили, даже натравливали Церковь, но он, вместо того чтобы упасть духом и начать обороняться, вступая в бесконечную словесную полемику, в которой заведомо проиграет, продолжал лечить пациентов, от которых отказались хулящие его ученые мужи, причем делал это абсолютно безвозмездно. Именно он, Филипп Парацельс, практически в одиночку справился со вспышкой чумы, используя собственный метод, в который не верил ни один другой врач, называя его «чистой воды профанацией, призванной способствовать лишь самоутверждению его, Парацельса, а не реальному излечению пациентов»! Каждый успех Филиппа всегда воспринимался с недоверием и скепсисом, тогда как каждая неудача, напротив, вызывала бурю эмоций, всевозможных толков и «обсасывалась» конкурентами во всех подробностях...

Мальчик наконец закончил с сапогами и принес Филиппу медный таз и полотенце, чтобы тот мог умыться. Ученый сделал это с большой неохотой – сказывался долгий день, полный трудов. Интересно, что бы сказали его ученые соперники, узнав, что врачевание в последнее время занимало его мысли все меньше и меньше? Теперь Филиппа гораздо больше интересовала химия, точнее, алхимия. Работа с минералами, химическими соединениями и изучение их действия на человеческий организм позволяли Филиппу надеяться, что через некоторое время он доберется до самого главного, до того, что является первопричиной всякого заболевания. А значит, и до универсального средства излечения. Бессмертие – вот то, ради чего он работает, не обращая внимания на косые взгляды и презрение окружающих. И он, Филипп Теофраст Бомбаст фон Гогенхейм Парацельс, узнает секрет, чего бы это ни стоило. И тогда никто не сможет отрицать его вклад в мировую науку и упрекать в том, что он – недоучка и выскочка.

Да, бессмертие... Оно чертовски пригодились бы ему сейчас, когда тело словно разваливается на куски, отказываясь повиноваться!

Филипп вытер лицо тонким льняным полотенцем и, переваливаясь, как старый гусь, из-за непрекращающейся боли в суставах бедра и ступни, направился в подвал, куда не имел доступа ни один из его учеников и тем более слуг.

Мальчик, все еще стоявший с тазом и полотенцем в руках, знал, куда направляется его хозяин, и провожал его взглядом, полным благоговейного страха. У него ни разу даже мысли не возникло проникнуть в таинственный подвал и посмотреть, что же там происходит на самом деле, хотя возможность была: Парацельс не прятал ключи, они всегда висели на гвоздике над его кроватью. Но нет, пусть кто угодно проявляет любопытство, только не он: только сам Великий Колдун может безбоязненно входить и выходить в эту дверь!

Я всегда считала, что желание женщины устроить пышную свадьбу – всего лишь баловство, дорогостоящая блажь, которая посещает только молодых непрактичных невест. Они хотят регистрироваться не в местном загсе, а непременно во Дворце бракосочетания, желают самого лучшего фотографа, платье от известного дизайнера, лимузин и, разумеется, огромного количества приглашенных гостей, которые должны все это оценить – иначе к чему, спрашивается, траты и хлопоты? Мою свадьбу с первым мужем можно было назвать «студенческой»: мы тихо расписались, выпили шампанского с родителями и зажили семейной жизнью. Никаких свадебных атрибутов, включая платье, пошитое на заказ, а уж тем более свадебное путешествие, мы себе позволить не могли, тем более что я уже носила Дэна и через шесть месяцев

собиралась рожать. Ажиотаж вокруг банального вступления в брак казался мне непонятной, более того, прямо-таки дурацкой затеей.

Но все это до того момента, пока мне самой не пришлось ответить «да» на предложение человека, которого я люблю. Я честно сопротивлялась, но, когда деваться было уже некуда, а отказ, скорее всего, повлек бы за собой разрыв, чего я ни в коем случае не могла допустить, все мгновенно перевернулось с ног на голову и обрело смысл, ранее скрытый от меня завесой практичности и разумности. Я поняла, что тоже хочу всего: и гостей, и платья, и Дворца бракосочетания, а также свадебного путешествия... Даже куклу на капоте лимузина! То, что казалось мне беспричинной тратой времени и денег, теперь приобрело первостепенную важность. Я готова была сутками носиться по магазинам, ателье и ресторанам в поисках необходимого. Все вокруг считали меня сумасшедшей – и мама, и Шилов, и сын, – все, кроме моей любимой дорогой подруги Лариски. У Лариски никогда не было свадьбы – ни разу в жизни, зато имелись отличные девчонки от разных сожителей и неистребимая вера в то, что и на ее улице когда-нибудь случится праздник. Несмотря на страшную занятость – работа в трех зубоврачебных клиниках и забота о детях отнимали все ее время, – Лариска с готовностью согласилась помочь мне в хлопотах. Таким образом, мы по очереди крутились по городу в поисках необходимых свадебных атрибутов.

Такой важный процесс, как выбор свадебного наряда, Лариска просто не могла доверить мне одной. Поэтому сегодня, встретившись после работы, мы на Ларискиной машине объездили добрых полдюжины салонов для новобрачных, пытаясь подобрать подходящее платье. Подруга настаивала на том, что я непременно должна быть в белом, но я возражала: работая врачом-анестезиологом, я вынуждена носить белое каждый день, к тому же мне уже далеко не восемнадцать лет. Мне кажется, что белая тафта на взрослой женщине выглядит смешно. Я думала о чем-нибудь красном, хорошо подходящем к моим темным волосам, возможно, синем или даже зеленом, но Лариска упорно стояла на своем: платье невесты, независимо от возраста и занятия, должно быть только белым!

– Феерично! – авторитетно заявила Лариска, когда я в очередной раз вышла из примерочной, едва держась на ногах от усталости и еще от того, что каблуки на туфлях – единственной паре, подходящей к платью цвета слоновой кости, – оказались невероятно высокими.

– Просто отпад! – всплеснув руками, поддержала мою подругу продавщица: в устах этой женщины хорошо за пятьдесят слово «отпад» звучало несколько искусственно. Однако, глянув в зеркало в полный рост, я вынуждена была признать, что они обе правы.

– Это – из нашей последней коллекции, – продолжала продавщица, нарежая вокруг меня круги и время от времени тихонько ахая и качая головой, словно потрясенная моей неземной красотой. – Прибыло всего сутки назад, никто его еще не примерял, честное слово! Думаю, оно просто создано для вас!

Честно говоря, я сомневалась и до того, как позволила себе бросить взгляд на ценник, а уж теперь, с ужасом углядев количество нулей, сказала:

– Нет, думаю, это – слишком!

– Да ты что! – возмутилась Лариска, вскакивая с дивана: в отличие от меня, она прекрасно чувствовала себя на двенадцатисантиметровых шпильках. Думаю, она спокойно смогла бы пробежать в них кросс, потому что сроднилась с каблуками так давно, что я и не помнила ее без них. – Платье роскошное, ты в нем – просто королева!

Я попыталась скосить глаза так, чтобы Лариса поняла, что я недовольна не нарядом, а его стоимостью, однако подруга то ли не замечала моих мимических усилий, то ли просто не желала замечать.

– Не белое, заметьте, – почувствовав поддержку, вновь завелась продавщица, словно слова Лариски вдохнули в нее новую энергию. – Слоновая кость – самый модный оттенок в этом сезоне! И платье совсем не вычурное, потрясающе элегантно в своей простоте...

Она все трещала, а я смотрела на себя в зеркало и с грустью понимала, что больше всего на свете хочу именно это платье.

– Нет, – твердо сказала я, – мне это не подходит. Слишком дорого для одного дня в жизни!

– Что вы! – не сдавалась продавщица, почувствовав, что выгодная сделка ускользает у нее из рук. – Его можно носить как вечернее платье, и никто никогда не догадается, что когда-то оно было свадебным!

Я с тоской оглядела себя в высоком зеркале – с головы до ног. Из-под длинного подола изящно выглядывали носки туфель, а шелковистая, приятная на ощупь ткань окутывала колени, словно облако. Лиф красиво обрисовывал грудь, хотя в данный момент на мне отсутствовал поддерживающий бюстгальтер.

– Нитка жемчуга, – мечтательно пробормотала Лариса, глядя на меня, будто я торт, а она человек, находящийся на голодной диете. – И больше ни-че-го!

Развернувшись на каблуках, я понуро возвратилась в примерочную. Видит бог, как мне не хотелось снимать это платье и отдавать его продавщице!

– У нас есть еще несколько симпатичных фасонов, – решила снова попытать счастья продавщица. – Если вы пройдете...

– Нет, спасибо, – прервала я, рискуя показаться невежливой. – Не думаю, что сегодня у меня хватит сил еще на какие-то примерки. Возможно, в следующий раз, – добавила я, заметив огорчение женщины: в конце концов, она не виновата, что я не могу позволить себе потрясающий наряд!

Через двадцать минут, сидя в кафе недалеко от свадебного салона, мы с Лариской пили кофе, а она ругала меня на чем свет стоит.

– Ну ты даешь! – сердито пытела подруга, буравя меня своими голубыми глазами из-под тонких стекол очков. – Такое платье... Да неужели Шилов, узнав о том, сколько оно стоит, не согласился бы заплатить? Он человек небедный...

– Нет, Лариска, – перебила я, встряхнув головой, словно упрямая лошадь. – Я хочу купить платье сама! Шилову вообще необязательно его видеть до свадьбы – ты же знаешь, это плохая примета!

– Еще чего! – всплеснула руками Лариса. – То ей платье не по возрасту, то теперь она про приметы толкует, как будто ей восемнадцать лет!

– Ничего, куплю другое: это не единственное платье в мире!

– Единственное, которое так потрясающе тебе подходит, – возразила Лариска. – Есть вещи, в которых человек выглядит так, словно он в них родился, и это свадебное платье – как раз такое! В общем, как хочешь, но я просто уверена, что ты теперь будешь жалеть о нем до самой свадьбы, да и после...

Как будто я сама этого не знаю! Но я также знаю, что ни за что не могу позволить себе выложить почти двести тысяч за один раз, ведь предстоят еще и другие расходы.

Звонок моего мобильного прервал неприятный разговор. Высветившийся номер был мне знаком, и я тут же вспомнила, что, заполняя свадебные приглашения, нужно не забыть указать в них имя Люды Агеевой.

– Привет! – прозвучало в трубке приветствие. – Чем занята?

Я скороговоркой вывалила на собеседницу сильно сжатую версию происходящего.

– Ты тоже обязательно должна прийти, Людка! – закончила я свой краткий монолог. – Приглашение вышлю на днях.

– Это что, Мамочка?! – взвизгнула Лариса. – Передавай огромный привет!

Это действительно была именно Мамочка, другими словами, Люда Агеева, наша с Лариской институтская подруга. Прозвище Мамочка приклеилось к ней в первую очередь потому, что Люда была на курсе старше всех: нам, желторотым девчонкам, едва исполнилось по восем-

надцать, а ей тогда уже перевалило за двадцать пять – ну просто старуха, как нам тогда казалось! Кроме того, она уже родила ребенка и именно поэтому так поздно поступила в медицинский.

Но Люду звали Мамочкой не только из-за возраста, но и из-за отношения к нам, почти материнского, ласково-снисходительного. Таких людей, как Мамочка, мало на этом свете: ее практически невозможно обидеть, она всегда готова помочь ближнему. Мы всем курсом бегали к Люде за советом, она утешала нас, вытирала мокрые носы и глаза, когда у нас случались неудачи, казавшиеся настоящими катастрофами, и убеждала, что ничего страшного на самом деле не произошло, все скоро наладится. Люда вечно подкармливала постоянно голодных иногородних сокурсниц домашними сырниками и блинчиками, и они на протяжении всех лет обучения чувствовали над собой ее крыло.

– Ой, поздравляю тебя! – пробормотала Люда в ответ на мои излияния. Мне почему-то показалось, что она не слишком рада известию о моей свадьбе. Вообще-то, теперь я поняла, что голос Мамочки с самого начала звучал несколько напряженно.

– У тебя все нормально? – встревоженно поинтересовалась я.

– Ну, в принципе, – неуверенно ответила Люда. – Но это может подождать, раз у тебя такое событие...

– Брось! – воскликнула я. – Это же не прямо сейчас происходит, так что давай, рассказывай, зачем звонишь.

Сидевшая напротив Лариска слегка нахмурилась: со своего места она хорошо слышала голос Люды и все ее реплики.

– Ну, – начала Мамочка, – я просто поговорить с тобой хотела... об одном деле. Оно касается моей работы. И Дениса.

– Дениса? – удивилась я. – С ним что-то случилось?

– Надеюсь, что нет... Пока – нет.

Я очень удивилась, что Люда заговорила со мной о сыне. Насколько я знала, с ним все обстояло вполне благополучно. Парень успешно закончил школу, поступил в Первый медицинский, как и его мать в свое время. Отец Дениса, известный питерский адвокат, а ныне депутат Городского собрания, надеялся, что сын пойдет по его стопам и изберет юриспруденцию, но Денис всегда хотел стать хирургом – с тех пор, как ему исполнилось восемь и он попал в больницу с аппендицитом.

Что-то мне не понравилось то, как прозвучали слова Люды, да и тон оставлял желать лучшего.

– Что значит – пока? – переспросила я. – Что-то ты темнишь, Мамочка!

– Понимаешь, – вздохнула она в трубку, – разговор не совсем телефонный... Может, встретимся? Я понимаю, ты сейчас занята, крутишься как белка в колесе, но...

– Разумеется, встретимся! – перебила я, пока Люда еще чего-нибудь не наговорила. – Только сегодня я уже не смогу – надо заехать в ресторан, где будет проходить банкет, а завтра у меня ночное дежурство. Как насчет послезавтра? Часиков в семь?

– Отлично! – обрадовалась Люда. Я заметила, что голос ее слегка повеселел, и вздохнула с облегчением: скорее всего, ничего страшного не происходит, просто Люда, как любая мать, волнуется за свое чадо по всякому поводу. – Давай в нашем студенческом кафе, ладно?

Студенческим кафе мы называли небольшую забегаловку на Сенной, сохранившуюся еще со времен нашей юности. Кормили там недорого, и в продаже всегда имелись мороженое и пончики.

– Договорились! – быстро согласилась я, предвкушая перспективу спокойно посидеть с подругой и вспомнить старые добрые денечки.

Надо сказать, с Людой мы не виделись уже лет семь. Регулярно перезванивались, правда, в основном по праздникам. Просто так мы не болтали с Мамочкой уже очень давно, и я вдруг

подумала, что совсем не в курсе ее теперешней жизни. Все ли у нее хорошо? Я человек открытый, общительный, всегда говорю то, что думаю, и все мои неприятности обычно легко читаются на моем лице. Люда совсем не такая: из нее слова не вытянешь, если дела плохи. Она никогда не любила делиться своими проблемами. Именно поэтому, несмотря на попытки убедить себя в том, что ничего серьезного, скорее всего, не случилось, я все же разволновалась из-за неожиданного звонка Мамочки.

В последний месяц я редко бывала дома: Олег требовал моего внимания, соглашаясь даже, чтобы Куся, черный терьер, также «прописалась» у него, чтобы маме не приходилось самой гулять с огромной собакой. Я никак не могла смириться с фактом, что теперь мне предстоит все время жить в квартире Шилова, так как любила свое жилище и переживала настоящий стресс из-за необходимости его покинуть. Олег мог сколько угодно говорить о том, что мама с Дэном живут в полчасе езды на машине, но факт оставался фактом: меня насильственно вырывали из привычной среды и помещали в другую – словно подопытную мышь. Тем не менее приходиться домой с Олегом, вместе ужинать, рассказывая друг другу о том, как прошел день, а потом с упоением заниматься любовью доставляло мне ни с чем не сравнимое удовольствие. Интересно, как долго продлится эта идиллия?

Так как сегодня я занималась покупками, Шилов оказался дома раньше. Едва открыв дверь, я уловила чудесные запахи. На мое счастье, мой будущий муж обожает готовить и, в отличие от меня, всю жизнь делающей это по обязанности, возится на кухне с удовольствием, превращая готовку в настоящий ритуал. Одна беда: Шилов вегетарианец, а я вот жить не могу без мяса. Однако он, надо признать, умеет приготовить и подать овощные блюда так, что отсутствие животного белка почти незаметно. Кроме того, против морепродуктов Олег ничего не имеет, поэтому голодная смерть мне в ближайшее время не грозит.

Шилов выскочил в коридор на звук хлопнувшей двери. Его волосы были взъерошены, поверх джинсов и футболки красовался аккуратный передничек, а в руках он сжимал две цветастые прихватки.

– Боже, как сексуально ты выглядишь в фартуке! – промурлыкала я.

– Если бы я знал, что ты так быстро обернешься, то снял бы все, что под ним, и встретил тебя во всей красе! – ответил Олег и, приблизившись, чмокнул меня в шею. – Я, понимаешь, решил, что вообще могу тебя сегодня не дожидаться: вы, девочки, когда занимаетесь шопингом, обо всем на свете забываете!

Я решила не рассказывать ему, почему у меня внезапно пропало настроение продолжать беготню по магазинам: в конце концов, не сошелся же свет клином на этом дурацком платье?! Хотя совсем оно не дурацкое, если быть до конца честной...

– А чем вкусненьким пахнет? – перевела я разговор на более приятную тему.

– Креветки в соевом соусе, суп-пюре из брокколи и картофеля...

– Все, можешь не продолжать! – взвизгнула я, как Куся при виде миски с кашей. – Мечи на стол все, что есть, а я пока приму душ и переоденусь.

– Сейчас будет готово, – пообещал Шилов. – Десять минут, не больше.

Да, чего уж и говорить – повезло мне с будущим супругом! Единственное, из-за чего у нас с ним случаются трения, это моя обожаемая кофе-машина: я требую, чтобы он разрешил мне поставить ее на кухне, но Олег упирается рогом и отказывается, пока я не дам торжественную клятву, что буду пить кофе только по утрам и не больше двух чашек. Честное слово, если он не передумает, мне придется покупать растворимый. Это, конечно, плохо, но я просто не мыслю себе жизни без кофе!

Я проблаженствовала под душем добрых четверть часа. Облившись напоследок холодной водой, я вышла и, замотавшись пушистым махровым полотенцем до подмышек, встала перед зеркалом. С тех пор, как я встретила Олега, моя жизнь вошла в нормальное русло. Я перестала

волноваться по любому поводу, стала чувствовать себя спокойнее, потому что несколько лет до этого мне казалось, что вся тяжесть мира лежит на моих плечах. Ответственность за семью, за кусок хлеба частенько заставляла меня хмуриться, и на лбу появлялись преждевременные морщины. Теперь размеренная жизнь изменила лицо. Морщины разгладились, улучшился цвет кожи, да и времени ухаживать за собой у меня стало гораздо больше, теперь я не жалела его для благой цели. Пожалуй, сейчас я выглядела лет на тридцать, и это не могло не радовать!

Намотав на длинные волосы – предмет моей неизменной гордости – полотенце и нацепив халат, я прошла на кухню. Олег уже сервировал стол. Он любил делать это красиво, а потому мама, не дожидаясь дня свадьбы, подарила нам два столовых сервиза по сорок шесть предметов каждый, хотя я понятия не имела, что мы станем делать с таким количеством посуды: у нас никогда не бывает столько народу одновременно!

– Ну, – сказала я, как только утолила первый голод и почувствовала, как блаженное тепло горячего ужина приятно растекается по моему организму, – как на работе?

– Да как всегда, в сущности, – отозвался Шилов. – Сегодня вот парня одного привезли с переломами. Представляешь, он как-то умудрился попасть под авто и сломать обе лодыжки, а больше никаких повреждений не получил – даже синяков нет!

– Операция нормально прошла?

– Нормально-то нормально, но вот теперь проблемы предстоят.

– Что за проблемы? – удивилась я.

– Да мужик-то бомж, похоже: вместо паспорта у него только ксерокопия, страховки медицинской нет, а разбираться со всем этим, разумеется, мне, ведь я же заведующим! Операция прошла успешно, но для того, чтобы парень мог и дальше спокойно передвигаться, надо ему пластины титановые поставить, а они, как ты знаешь, стоят будь здоров. У него, разумеется, денег нет.

– А родственники?

– Никого, – покачал головой Олег. – Во всяком случае, он так говорит. Да и сама посуди, даже если есть у мужика родичи, то либо живут на улице, как и он, либо отказались от такого «подарочка» и, уж конечно, не станут выкладывать денежки, чтобы ему помочь. Парень, видать, сильно пьющий, но на удивление неплохо сохранился. И еще интересный факт: в ксерокопии паспорта написано, что он пятьдесят восьмого года рождения, только этого просто не может быть: мужику и сорока нет!

– Может, в паспортном столе в свое время напутали? – предположила я. – Разве такое редко случается?

– Да уж, в нашей стране – сплошь и рядом, – усмехнулся Олег.

– Ну и что ты намерен делать с этим бомжом?

– Попробую через ФСС (*Фонд социального страхования) договориться, но не уверен, что получится – без страховки и выправленного паспорта.

Я с нежностью подумала, что на месте Шилова ни один заведующий отделением не стал бы заниматься такими вещами, а просто подлатал бы мужика да и выставил через пару недель на улицу. Кто же будет заботиться о том, что он станет делать, живя в ужасных условиях, с трудом передвигаясь, без постоянной крыши над головой и при необходимости каждый день искать себе пропитание?

Я пришла в кафе «Василек» за десять минут до назначенной встречи с Мамочкой. Оно нисколько не изменилось со времен нашей юности: те же старые, высокие пластиковые столики, предполагающие стоячую трапезу, вдоль окон – несколько окруженных стульями столов пониже. Я и не ожидала, что кафешка пользуется той же популярностью, что и раньше, ведь по соседству располагается столько новомодных заведений! Тем не менее почти все места оказались заняты молодежью. К счастью, один пустой столик все же отыскался, и я быстро напра-

вилась к нему, пока кто-то пошустрее меня не опередил. Усевшись, осмотрелась. Нет, все же я ошиблась, решив, что «Василек» совершенно не изменился. Раньше нужно было подходить к стойке буфетчицы, чтобы сделать заказ, а теперь в зале работала официантка – правда, всего одна.

Сразу бросалась в глаза молодость посетителей кафе: каждому не больше двадцати. За соседним столиком мило обжималась парочка влюбленных, явно студентов, и я на мгновение почувствовала себя очень старой, практически древней по сравнению с ними. И еще зависть – зависть к их молодости и беззаботности. Странное ощущение – сидеть в кафе своей молодости и наблюдать за жизнью как бы со стороны, хотя на самом деле в душе ты ничуть не изменилась и самой себе кажешься все той же юной девушкой, которая приходила сюда с подругами, прогуливая лекцию или получив зачет по латыни...

Я спрашивала себя: променяла бы я свой опыт, зрелость и нажитую мудрость на эту юность, если бы такая возможность неожиданно подвернулась? И сама же себе отвечала: вряд ли. И все же при мысли, что все это утеряно безвозвратно, меня почему-то захлестнула волна тоски.

Я вспомнила, что около месяца назад видела по телевизору одну интересную передачу, как раз касающуюся этой проблемы. Какой-то профессор утверждал, что физический потенциал человека рассчитан на 250–300 лет и что когда-нибудь, причем уже совсем скоро, наука найдет способ этот потенциал реализовать. Это означает, что люди станут жить на сто пятьдесят – двести лет дольше, чем сейчас, и их самая активная и продуктивная фаза жизни окажется существенно длиннее. От старости, к сожалению, панацеи все равно не изобретут, и все мы рано или поздно умрем, но... Пусть уж лучше поздно!

Взглянув на часы, я увидела, что Мамочка опаздывает. Не похоже на нее: Людмила чудовищно пунктуальный человек, и я, сколько себя помню, ни разу не приходила куда-либо раньше ее, а ведь прошло уже лишних пятнадцать минут! Официантка, неторопливо передвигаясь по залу, наконец добралась и до моего столика. Я решила сделать заказ, так как испытывала голод после напряженного дня в больнице – мне ведь так и не удалось спуститься в буфет. Через некоторое время мой салат и пирог лежали передо мной на выдавшем виды пластиковом подносе, а Людмила так и не появилась. Вытащив мобильник, я позвонила подруге – долгие гудки. Я держала трубку, пока не прозвучал сигнал отбоя. Послав сообщение, напоминающее Мамочке, что я жду ее в «Васильке», я занялась трапезой.

Домой я вернулась в отвратительном настроении: Люда так и не пришла, и я, проторчав в кафе битый час, ушла, не дозвонившись до подруги. Квартира встретила меня гробовым молчанием. Это показалось странным. Мама, скорее всего, отправилась гулять с Кусей, а вот Дэн, к которому в гости собиралась прийти Вика, должен быть дома. Насколько я знаю, они договаривались заняться интернет-версией его картин. Вика – эксперт по компьютерам, настоящий продвинутый «гик», или даже скорее хакер, как теперь говорят. За время общения с ней я поняла, что для Вики не существует ничего невозможного в том, что касается техники, несмотря на то, что ей нет еще и двадцати. А уж выглядит девушка вообще лет на четырнадцать.

Сбросив туфли, я заглянула в гостиную, которая оказалась пуста, однако дверь в комнату сына была закрыта, и я, постучав из вежливости, вошла. Там горел приглушенный свет. Дэн и Вика стояли передо мной, неестественно вытянувшись, словно два суриката, с виноватыми выражениями на лицах.

– Целовались? – спросила я иезуитским тоном.

– Что-о-о?!

– Мы-ы-ы?!

Ребята взвыли одновременно, словно я обвинила их в убийстве с особой жестокостью.

На самом деле я и не думала контролировать ребят – просто пошутить собиралась. В конце концов, если они захотят, то сами все расскажут, а если давить, можно вызвать ровно противоположный эффект. Кроме того, я доверяю Дэну, ведь он парень разумный, как, впрочем, и Вика.

– Бабушка испекла блины, – сказал сын, пытаясь переключить мое внимание на еду. Голода я не испытывала, так как наелась в кафе в ожидании Люды, но сын, как и бывший муж Славка, здорово умел заговаривать зубы, и этот талант проявлялся даже в самых критических ситуациях. Видя, что я чем-то расстроена, он принялся уговаривать меня, и я все же сдалась и присела за стол с молодыми людьми. Пока они за обе щеки уминали блинчики, я цедила кофе и слушала их беззаботную болтовню. Вдруг Вика, зыркнув глазами в мою сторону, сказала:

– Ты ей сказал?

Дэн поперхнулся блином.

– Ой, черт!

– В чем дело? – напряглась я. – Ты во что-то вляпался, да? То-то я смотрю, вы что-то темните...

– Да нет, ничего такого! – поспешила перебить меня Вика. – Новость-то хорошая, честно-честно! Дэн... Ладно, пусть он сам расскажет, что ли?

– Мне заказали картину! – выпалил сынуля, прокашлявшись как следует и вытерев масляный рот пятерней, хотя на столе всегда стоят салфетки как раз для таких случаев. – Портрет. Угадай, кто заказал?

– Не иначе сам Президент Медведев? – предположила я.

– Да нет, лучше! – отмахнулся сын.

– Обама, что ли?

– Да какой Обама, ма! Полина Пятницкая, можешь себе представить?!

– Кто-кто? – озадаченно переспросила я.

– Ой, вы и даете, Агния! – воскликнула Вика. – «Запретные темы», ну?

– Что «ну»? – передразнила я девушку. – Понятия не имею, кто это!

– Мам, это шоу так называется, – снова вмешался Дэн. – Про... это.

– Про что про «это»? Эротика, что ли?

– Ага, – ответил сынуля и покраснел. Господи, благослови его способность краснеть всякий раз, когда мой сын говорит неправду или испытывает стыд! – Она часто ходит в один клуб, владелец которого купил у меня пару картин в прошлом январе, помнишь? Так вот, Полина хочет заказать свой портрет и повесить его в студии – прямо над тем знаменитым диваном, на котором она ведет свое шоу!

И тут до меня дошло, о ком он говорит.

– Ты, сынуля, шутишь, наверное, – заметила я. – Полина Пятницкая – ей же полтинник уже небось!

– Ну и что? – с вызовом спросил Дэн. – Деньги – они, ма, возраста не имеют. А заплатить она, между прочим, хорошо обещает.

– Да я не об этом, – отмахнулась я. – Неужели она все еще ведет это дурацкое шоу? Мне казалось, его давно сняли.

– Сняли, – подтвердил сын. – А теперь снова возобновили – по Первому каналу, представляешь? И там будет моя картина!

Я помнила Пятницкую еще с тех пор, как училась в институте, и уже тогда она была далеко не девчонкой. Да, конечно, в сексапильности ей тогда было не отказать, но так это ведь сколько лет назад!

Дэн углубился в рассуждения о том, что, если Полине понравится портрет, у него могут появиться состоятельные и знаменитые клиенты. Вика радостно поддерживала его амбиции, и я решила не вмешиваться: пусть себе мальчик помечтает, никому от этого хуже не станет.

Слава богу, в вуз мы его с бабушкой «поступили». Станет он известным художником или нет – еще вопрос, а вот высшее образование в области компьютерного дизайна все равно получит.

Оставив детей болтать о блестящем будущем, я ушла в гостиную. Я собиралась позвонить Люде домой и разобраться, почему она не пришла на встречу, хотя сама на ней и настаивала.

К моему удивлению, и в квартире Мамочки к телефону никто не подошел. Неужели она напрочь забыла о нашем уговоре и вместе с семейством куда-то укатила? Это, конечно, вполне возможно. И все же что-то мешало мне успокоиться и забыть о неприятном событии.

К сожалению, неприятности только начинались. Я успешно отработала на пульмонологии. Вторая операция предстояла на ортопедии, оперировать должен был Олег, и я предвкушала встречу с ним. Несмотря на то, что мы уже практически жили семьей, наши встречи в больнице до сих пор доставляли мне удовольствие. У нас существовали маленькие ритуалы, система особых взглядов, рукопожатий, касаний.

Однако сегодня все оказалось по-другому. Входя в операционную, Шилов едва взглянул на меня и, коротко поздоровавшись, встал у стола, на котором уже разместился подготовленный пациент – пожилой мужчина, которому предстояла операция по замене коленного сустава. Олега можно назвать королем в том, что касается таких операций, ведь один из инновационных методов их проведения назван его именем. Но сегодня он явно был не в своей тарелке. Я заметила, что скальпель в руке Шилова слегка подрагивает, и удивленно посмотрела на него. Закрытое маской лицо ничего не выражало, но, когда он взглянул на меня, в серо-зеленых глазах я уловила смятение. Павел, ассистировавший Олегу, слегка закатил глаза. Это могло означать что угодно.

Паша с некоторых пор стал правой рукой Олега. Парень обладал неоспоримым талантом и со временем определенно должен был получить лицензию на проведение эндопротезирования. Что же касается меня, то я питала к нему особую слабость – не только потому, что он здорово напоминал мне Дэна, но и в память о том, как он в свое время дал ложные показания и вытащил меня из КПЗ, где я находилась по нелепому обвинению в убийстве собственной соседки.

К счастью, операция прошла неплохо. Правда, через полчаса после начала пациент начал интенсивно терять кровь, но, к счастью, крови для переливания хватило с лихвой. Закончив, Шилов вышел из операционной, оставив Павла доводить ногу до ума. Когда я выскочила в предбанник, Олега уже и след простыл. Озадаченная, я вернулась к себе в анестезиологию. Что ж, если он не расположен к разговору, я могу это понять, все равно потолкуем дома.

Операцию в хирургии позвоночника неожиданно отменили – недосчитались каких-то анализов у пациентки, а потому у меня образовался почти трехчасовой просвет. Это оказалось весьма кстати: целая куча документов, которыми я пренебрегала всю неделю, настоятельно требовала внимания, и я решила, во избежание скандала с Охлопковой, заведующей моим отделением, срочно ими заняться. К счастью, в ординаторской никого больше не оказалось, и я, скинув туфли, принялась старательно корпеть над бумажками. Прodelав примерно треть работы, я решила снова звякнуть Люде: утром опять пыталась до нее дозвониться, но трубку не снимали – ни дома, ни по мобильнику. Терпеть не могу неоконченных дел! Стану периодически названивать Мамочке, пока она наконец не соизволит ответить и объяснить свое странное поведение.

– Да? – раздалось в трубке почти сразу, как я набрала номер на допотопном аппарате, стоящем на столе в ординаторской.

– Ну, слава богу! – воскликнула я, испытав огромное облегчение. – Где ты ходишь, подружка, а? Я вчера больше часа проторчала в «Васильке», а ты так и не явилась! И как это, спрашивается, называется?

– Это... кто это говорит?

Только теперь я сообразила, что разговариваю не с Людой: дрожащий голос принадлежал другой женщине.

– Простите, – извинилась я, смутившись. – Позовите, пожалуйста, Людмилу.

– А кто это?

– Меня зовут Агния, я ее подруга. Можно с Людой поговорить?

– Агния, это тетя Оля. Ты меня помнишь?

Господи, ну конечно, помню! Тетя Оля являлась единственной родственницей Мамочки, не считая мужа и сына, она заменила ей рано умершую мать. Маленькая, полная, добродушная женщина с румяными щеками и зычным голосом, от которого, казалось, дрожали оконные стекла. Почему она подошла к телефону? Почему у нее такой странный тон?

– Да, разумеется, тетя Оля, – ответила я. – Как у вас дела? Я не знала, что вы сейчас живете с Людой!

– Люда... Ой, Агния, дочка, тут такое горе... Людочка-то наша умерла!

Трубка едва не выпала у меня из руки.

– Что?! – внезапно севшим голосом переспросила я. – Как... умерла? Когда?!

– Вчера, – всхлипнула тетя Оля.

Я в ужасе застыла, сжимая трубку так, что вполне могла ее сломать.

– Это... несчастный случай? – спросила я, когда вновь обрела способность разговаривать. У меня перед глазами ясно встала картина: вот Люда переходит дорогу, направляясь к кафе, где я сижу в ожидании. Тут из-за угла вылетает автомобиль и на полном ходу...

В трубке повисло молчание. Потом тетя Оля неуверенно проговорила:

– Может, ты бы приехала, а? У нас тут... В общем, не могла бы ты...

– Приеду сразу после работы, – сказала я. – Заканчиваю примерно в четыре часа.

Дав отбой, я сидела неподвижно, словно оглушенная. Все обычные звуки, казалось, ушли из этого мира, только в ушах стоял странный непрекращающийся звон, будто эхо слившихся воедино, пытающихся перешептаться друг друга тысяч тихих голосов.

Мне с трудом удалось взять себя в руки, но я едва дождалась окончания рабочего дня. С одной стороны, страшно ехать к тете Оле. Это значит – окончательно поверить в то, что произошло с Мамочкой, а мой мозг отчаянно отказывался это принять. С другой – я просто не могла не узнать, что же именно случилось с моей подругой, которая все еще стояла у меня перед глазами как живая, говорила со мной, улыбалась.

Жилище Люды здорово отличалось от нашего. На самом деле оно представляло собой почти такую же трехкомнатную квартиру в кирпичном доме, но на этом сходство заканчивалось. Виктор, муж Мамочки, всегда хорошо зарабатывал и сделал квартиру похожей на картинку из заграничного журнала. Она была светлой, стильной, ультрасовременной во всем, начиная с мебели и заканчивая занавесками на окнах.

Тетя Оля встретила меня в дверях, одетая в черное платье и черную же шаль. Я едва узнала в этой старой женщине прежнюю тетю Олю, чей веселый голос, бывало, звенел по всей квартире, призывая домашних и гостей к столу. Тетя Оля жила в Кронштадте, но в Питер навещала частенько. Она практически вырастила Дениса, сына Люды, когда та восстановилась на втором курсе меда после большого перерыва.

Едва войдя, я мгновенно ощутила жуткую, давящую атмосферу. Странное ощущение дискомфорта в доме, где мне всегда радовались, где все так уютно и красиво. Я не могла не думать о том, что Люды, которая всегда была душой этого места, больше нет. Ее отсутствие я чувствовала каждой клеткой кожи.

– Ты совсем не изменилась, – попыталась улыбнуться тетя Оля, обнимая меня. Ее пухлые маленькие руки вцепились в мои плечи, словно в поисках поддержки.

– Да ладно вам, тетя Оля, – вздохнула я. – Не обо мне речь. Что с Людой случилось?

Лицо пожилой женщины, и без того заплаканное и бледное, лишилось последних красок.

– Люда... она в машине умерла, – как будто с трудом, выдавила она из себя.

– Авария?

Я так и знала!

– Н-нет, – покачала головой тетя Оля и снова начала громко всхлипывать, прижимая к глазам концы шали. – Людочка... она с собой покончила, Агния! Как такое могло произойти? Люда никогда... Никогда!!!

Тетя Оля плакала навзрыд, а я между тем пыталась осознать услышанное. Люда покончила с собой? Быть такого не может! Только не Мамочка, уж я-то знаю!

Мне с трудом удалось успокоить тетю Олю, и она смогла более или менее связно рассказать, что сама знала. Сидя в гостиной своей, уже покойной, подруги, я поняла, что, оказывается, совершенно ничего о ней не знала.

– Люда развелась с Виктором год назад, – начала свой рассказ тетя Оля, высморкавшись в большой мужской носовой платок. – У них уже несколько лет не ладилось, но ты же знаешь ее: Люда никогда не любила выносить сор из избы! Денис – тоже молчун, хотя и он был в курсе. В смысле того, что отец завел любовницу. Он и раньше погуливал, но Людмила относилась к этому терпимо. Во всяком случае, она мне так сказала, но я-то думаю, переживала сильно – а кто бы не переживал на ее месте? Только с этой, новой, все как-то по-другому вышло: видно, у Виктора с ней серьезно. Люда решила скандала не устраивать, а просто отпустила его – молча, ни слова не говоря. Даже чемоданы помогла собрать, представляешь?

Я очень даже представляла: в этом вся Люда!

– Зато уж Дениска в долгу не остался, вставил папаше по первое число! – продолжала тетя Оля, и в ее глазах засветилась гордость за внучатого племянника. – Порвал всякие отношения, вот уже год с ним не разговаривает. Виктор, конечно, пытался мосты навести – все-таки единственный сын, наследник, – но Дениска ни в какую не соглашается с ним общаться. Даже Люда пыталась его уговорить – бесполезно! Он простить отцу не смог, что тот бросил мать в самое тяжелое для нее время.

– А что за время? – поинтересовалась я.

– Ну да, конечно, она и тебе не рассказывала, – вздохнула тетя Оля. – У нее на работе были неприятности. Повесили на Люду обвинение в халатности – это на нее-то, с ее щепетильностью! Бывший муж мог бы помочь, разумеется, он ведь известный адвокат и на таких делах собаку съел. Но тот не стал ничего предпринимать. К счастью, все и так обошлось, без суда, с Люды все обвинения сняли, но нервы потрепали здорово. Видно, бесследно это не прошло... – и тетя Оля вновь принялась вытирать глаза шалью, уже и так насквозь промокшей от слез.

– Но вы же сказали, что это было давно, – заметила я. – Если бы Люда собиралась, то уже тогда свела бы счеты с жизнью! Кроме того, и вы, и я знаем, что она просто никогда не поступила бы так, верно?

– Ох, Агния, – покачала головой тетя Оля. – Кто ж может быть уверен? Чужая душа потемки. Но мне тоже кажется, что... ну не могла она, не могла – и все тут! Тем более так.

– Как она умерла? – спросила я.

– Ее Дениска в гараже нашел. Поздно было, наверное, первый час ночи. Она в машине сидела с включенным двигателем. Выхлопную трубу тряпкой заткнула...

– Боже мой! – пробормотала я, прикрыв рот ладонью. Нет, это никак не вязалось со всем, что я знала о Мамочке. Ну пусть, как сейчас выяснилось, знала я не так уж и много, хоть мы и считались подругами, но сотворить с собой такое? Тем более что она не могла не предвидеть, что именно Денис обнаружит ее тело, разве она могла так поступить с ним?! Я представила на его месте Дэна и даже поежилась: нет, ни за что на свете я не поставила бы сына в такую ситуацию!

– Не может быть! – уже в который раз за вечер произнесла я. – Люда собиралась поговорить со мной. Мы договорились встретиться в кафе. Тетя Оля, вы когда-нибудь слышали о том, чтобы человек, назначающий встречу, сводил счеты с жизнью?

Тетя Оля покачала головой.

– Я не знала о вашей договоренности, но... Ты не думаешь, что Люда собиралась с тобой... попрощаться?

Нет, об этом я не думала, должна признаться. С другой стороны, Мамочка ведь не просто так звонила, она хотела поговорить. Что-то беспокоило ее, но она отказалась обсуждать по телефону. И вдруг – такое. Что-то тут не вяжется, причем не вяжется со всех сторон: ни личность Людмилы, ни обстоятельства не предполагали самоубийства!

– Тетя Оля, – осторожно заговорила я после недолгого молчания, – а вы не знаете, по какой причине Люда могла бы беспокоиться за Дениса?

– За Дениску? – удивленно переспросила женщина. – Беспокоиться? Да нет вроде бы. А что такое?

– Ничего особенного, – ответила я. – Так, просто...

– Ой, Агния, темнишь ты что-то! – вздохнула тетя Оля. – Как так вышло, что я ни о чем не догадывалась? Давно я к Люде не навещала, это правда, но ведь по телефону мы регулярно разговаривали. Как по голосу не поняла, что у нее не все в порядке? Хотя какой тут порядок? Развод, на работе проблемы, но чтоб так... Нет, не понимаю, хоть убей, не понимаю!

Я предложила помочь с похоронами, но пожилая женщина затрясла головой.

– Спасибо тебе, конечно, но Дениска даже меня к этим делам не подпускает: он вообще был против того, чтобы я приезжала, только как я могла не приехать? Он сам везде ходит, один. Боюсь я за Дениску, Агния, он так изменился, на него смотреть страшно!

– Тетя Оля, а можно гараж осмотреть? – спросила я, пока пожилая женщина не начала рыдать по новой.

– Ой, Агния, ты, конечно, как хочешь, я тебе ключи дам, но только я с тобой, уж извини, не пойду. Не могу я зайти туда, где Люда умерла! Что ты надеешься там найти?

Я и сама не знала, что стану искать, но просто чувствовала, что мне нужно побывать в том месте, которое волею случая оказалось последним для моей подруги. Взяв ключи, я уже прощалась с тетей Олей в коридоре, как вдруг в двери повернулся ключ, и она распахнулась, едва я успела отскочить.

– Дениска пришел! – сказала тетя Оля с некоторым опозданием: я и сама уже видела сына Людмилы.

Боже мой, как же быстро растут чужие дети! Даже глядя на Дэна, я не перестаю удивляться, каким огромным он вымахал – и это из маленького орущего кулечка, вынесенного мною из роддома! Денис родился раньше моего сына. Сейчас передо мной стоял взрослый парень, высокий и широкоплечий, который выглядел гораздо старше своих лет. Светловолосый и голубоглазый, как и Люда, Денис стал красивым молодым мужчиной. Выражение лица и плотная складка губ говорили о недавно понесенной тяжелой потере. Очевидно, мое появление шокировало парня, хотя он узнал меня сразу, поздоровался и молча выслушал мои соболезнования. Увидев в моих руках Людины ключи с характерным брелком-белочкой, Денис спросил:

– Зачем вам ключи от гаража, тетя Агния?

Я замялась.

– Понимаешь, Денис, я хочу взглянуть... В общем, мы разговаривали с твоей мамой всего за несколько дней до того, как она умерла, и я должна увидеть это место.

Голубые глаза испытующе посмотрели на меня.

– Не знаю, зачем вам это понадобилось, но – дело ваше, – пожал плечами молодой человек. Мне показалось, что он с удовольствием отказал бы мне. – Извините, что не стану вас сопровождать.

Честно говоря, я могла понять несколько прохладный прием со стороны Дениса, но что-то в его поведении меня настораживало. Ощущение неопределенное, и я пока никак не могла его объяснить. Почему-то именно сейчас в памяти всплыл один случай из детства Дэна и Дениса. Дэн, еще совсем маленький, и сын Людмилы играли вместе на детской площадке в парке. Почему я была с двумя детьми? Ах да, Люда попросила меня посидеть с Дениской, а потом пришла его забирать. Мальчики попрощались, но Дэн никак не желал отдавать приятелю его машинку. Машинка была очень красивая, импортная. Славка тогда не работал, я ломалась в аспирантуре и в больнице, у моего сынишки игрушки были попроще. Виктор же хорошо зарабатывал, часто ездил в командировки и имел возможность обеспечить сына самым лучшим. Как сейчас помню тот момент. Дэн сидит в песочнице, на грани истерики, прижимая к груди машинку. Я подхожу и пытаюсь уговорить сына вернуть игрушку, Люде чрезвычайно неудобно, она не знает, как поступить. И тут Дениска говорит:

– Да ладно, оставь себе!

– Нет, – говорю я. – Спасибо тебе, Денис, но машинку нужно вернуть.

– Папа мне еще купит, – пожал плечами мальчик. – Пусть Данилка играет.

Его широко раскрытые бесхитростные глазенки встали перед моим мысленным взором, словно все это произошло только вчера, а не пятнадцать лет назад. От ребенка трудно было ожидать столь щедрого жеста, ведь дети по натуре большие эгоисты, поэтому, наверное, я так хорошо запомнила тот случай, хотя, казалось бы, ничего особенного, что могло бы так врезаться в память, не произошло.

Я ожидала застать в гараже развал, ведь там побывала милиция, однако ничего подобного. Ничто не говорило о том, что здесь копались: чистенько, все вещи на своих местах, машина одиноко стоит посередине, словно покинутый командой корабль. Строго говоря, так оно и есть, ведь «капитан» этого судна больше никогда не сядет за штурвал! Хорошая, добротная модель «Хонды», рыжего цвета. Не новая, но Люда, очевидно, за ней ухаживала. Я открыла дверцу и села в салон. Несмотря на то, что на этом самом сиденье умерла Люда, я не чувствовала могильного холода – совсем наоборот, ощущала себя вполне комфортно. Раз милиция не конфисковала автомобиль и не опечатала гараж, значит, у них не возникло никакого подозрения, что она могла умереть насильственной смертью.

– Что же ты хотела мне сказать, Мамочка? – произнесла я вслух, словно надеясь, что дух Люды, возможно, еще витающий здесь, сможет дать мне ответ.

Проведя в гараже около сорока минут, я решила, что зря все это затеяла. Разве я сыщик, чтобы надеяться увидеть то, чего не нашли профессионалы? На чем, собственно, зиждется моя уверенность в том, что Людмила не покончила с собой? На том, что она собиралась на встречу со мной? Но за несколько дней, что прошли с момента нашего разговора, многое могло измениться.

Войдя в квартиру Олега, я с удивлением обнаружила, что свет нигде не горит.

– Эй, есть кто дома? – крикнула я, скидывая туфли.

Шилов сидел в гостиной: его темный силуэт вырисовывался на фоне вечернего неба, уличных фонарей и светящихся окон соседних домов.

– Не надо! – предупредил он, когда моя рука потянулась к выключателю.

Я собиралась поделиться с Олегом своими переживаниями по поводу смерти Мамочки, но, похоже, это придется отложить.

– Что случилось? – спросила я. – Я еще утром заметила, что с тобой что-то не так.

Шилов помолчал.

– Помнишь, как мы с тобой познакомились? – спросил он через некоторое время.

Еще бы не помнить! Надо сказать, обстоятельства не из приятных.

– Тогда ты пациентку потеряла, – продолжал Олег, и я сразу же все поняла.

Да, как раз тогда, когда Шилов пришел к нам в отделение заведующим, одна из пациенток, которой я проводила анестезию, погибла. Операция прошла хорошо, и ничто не предвещало трагедии, но тем не менее женщина умерла.

– Кто-то умер? – тихо спросила я. – Кто?

– Ты знаешь, я ведь к такому не привык, – вместо ответа сказал Олег, слегка качнув головой. – Не тот у меня профиль, понимаешь?

Я понимала. Шилов – ортопед, он редко имеет дело с вопросом жизни и смерти. Чаще всего в его случае речь идет не о самой жизни, а о ее качестве, об умении мастерски, с ювелирной точностью сделать свое дело. Он не проводит операции на сердце или по трансплантации органов, не работает с черепно-мозговыми травмами, как его отец, нейрохирург. Потеря пациента в его работе – редкость. Такое может произойти разве что из-за того, что больной не перенес наркоза или, не дай бог, началось заражение, но этот процент настолько низок, что его, как правило, даже не принимают во внимание.

– Кто умер, Олежка? – спросила я, опускаясь рядом с ним в кресло. – Почему?

– Ты понимаешь, есть проблемы с ответами на оба вопроса.

– То есть? – не поняла я.

– Помнишь, я тебе про мужика рассказывал, у которого вместо паспорта только ксерокс?

– Это которому в паспортном столе лишних десять лет приписали?

– Вот-вот, – кивнул Шилов. – Он как раз и умер.

– Да ты что?! Операция же нормально прошла!

– Лучше не бывает. К вечеру его уже перевели в обычную палату, так как все показатели находились в норме. А ночью он возьми да и помри.

– Отчего умер-то? Сердце?

– Не-а. Газовая гангрена, представляешь?

– Гангрена?! За одну ночь? И никто ничего не заметил?

– В том-то и дело. Обычно на ее развитие требуется до семидесяти двух часов, и пропустить такое в условиях больницы не представляется возможным. Тем не менее факт остается фактом: пациент утром был уже мертв. Предварительное заключение – заражение крови, хотя точно только патологоанатом может сказать. Армен обещал управиться побыстрее.

Я знала Армена Багдасаряна. Мы познакомились с ним тогда же, когда и с Олегом: до той поры у нас не возникало необходимости общаться, хоть мы и работали в одной больнице. Именно он проводил вскрытие моей умершей пациентки и обнаружил подмену импортного протеза отечественным. Багдасарян – хороший друг Олега, и он, несомненно, сделает все возможное, чтобы разобраться в ситуации, однако я не могла не признать, что дело дрянь. Если человек умер от газовой гангрены, это могло означать, что во время операции в рану попала инфекция, а это, как правило, вина врачебной бригады. С другой стороны, смерть была какой-то уж слишком, необъяснимо скоростной. Выраженные признаки гангрены, как и сказал Олег, появляются в течение семидесяти двух часов, и при соответствующем лечении восемьдесят процентов пациентов выживают.

– Ну, Армен разберется, – решила подбодрить Олега я. – А ты сам-то что думаешь?

Он только плечами пожал.

– Даже предположить не могу. На мужике, честно говоря, можно было воду возить: все анализы – как у младенца, сердце – пламенный мотор. Из наркоза вышел быстро, без побочных эффектов. Вечером я к нему в реанимацию заглядывал, так он требовал перевести его в обычную палату, к мужикам, чтобы было с кем словом перекинуться. А утречком – бац, и прямиком в морг!

– Ты раньше времени горячку не пори, – сказала я, ероша его светлые волосы на затылке. – Сам же сказал, парень жил на улице, мог что-то подцепить – например, какую-нибудь трудно диагностируемую инфекцию, которую обычный набор анализов не выявляет.

Может, хронические заболевания: откуда нам знать, ведь больничной или поликлинической карточки у него нет, так же как и паспорта... В общем, подождать надо, пока Армен что-нибудь путное сказать сможет.

Я старалась говорить разумно и спокойно, но то, что газовая гангрена развивалась в течение нескольких часов и никто не поднял тревогу, казалось мне самой настоящей фантастикой.

Олег внимательно посмотрел мне прямо в глаза.

– А у тебя такое часто, да?

Я отвела взгляд, поняв, что имеет в виду Шилов. Да, мне приходится терять пациентов гораздо чаще, чем ему. Слава богу, всю неприятную работу по беседе со скорбящими родственниками берет на себя ведущий хирург. Мое дело, как анестезиолога, маленькое, но потом все равно начинаются комиссии, допросы с пристрастием, объяснительные, приватные беседы с Главным, никогда не доставляющие удовольствия, учитывая склочный характер последнего. Независимо от того, кто именно виноват в смертном случае, мороки потом не оберешься! С другой стороны, я понимаю, что это необходимо: врачебная халатность, постановка неправильного диагноза или элементарная ошибка во время самой простой операции может привести к летальному исходу. В конце концов, жизнь пациента, пусть и на короткое время, оказывается полностью во власти медиков, и они должны сделать все возможное, чтобы ее сохранить. Поэтому я искренне сочувствовала Олегу, хотя мое собственное состояние из-за нелепой, необъяснимой смерти Людмилы, наверное, мешало мне в полной мере окружить Шилова заботой.

– А у тебя как? – вяло поинтересовался Олег, всецело поглощенный собственной депрессией.

– Да так, – пожала я плечами, делая над собой усилие, чтобы не разрыдаться у него на плече и окончательно не привести будущего мужа в разобранное состояние. Нет, делать этого никак нельзя, ведь он не сумеет сейчас оказать мне никакой поддержки, только расстроится еще больше. Какой прок в том, что мы оба будем сидеть весь вечер на диване в темной комнате и рыдать на пару?

– Все как обычно, – добавила я после короткой паузы и отправилась на кухню разогревать ужин.

Утром нас всех ожидала внеочередная летучка, созванная Главным. Как обычно, ничего хорошего ждать не приходилось: я лишь надеялась, что это просто очередная вожжа попала под хвост начальству и ничего действительно серьезного не произошло. Однако, к сожалению, ошиблась.

– Я собрал вас здесь для того, чтобы рассказать об ужасном, беспрецедентном случае, произошедшем прошлым вечером, – начал Добров, и шепоток в зале для совещаний мгновенно стих. Голос Сергея Никандровича Доброва всегда оказывал на присутствующих магическое воздействие, особенно в сочетании с внушительными размерами.

Тон Главного всегда был такой, словно тот издевался и ерничал, даже если ничего подобного и в помине не было.

– О чем это он? – склонившись ко мне, тихо спросила Марина. Мы работаем в одном отделении и обычно держим дистанцию, так как терпеть друг друга не можем.

– Понятия не имею, – отозвалась я, вперив заинтересованный взгляд в Доброва.

Он между тем продолжал.

– Возможно, кто-то из вас уже слышал о том, что на одного из наших патологоанатомов, Багдасаряна, было совершено нападение, когда он вчера вечером возвращался домой. Случилось это недалеко от нашей автомобильной стоянки. Сторож, разумеется, ничего не видел – коллега не успел войти в ворота, – но именно он и обнаружил его примерно через полчаса.

Я поискала глазами Шилова и встретила с его ошарашенным взглядом.

– Это ограбление? – выкрикнул кто-то из зала.

– Похоже, – кивнул Главный. – Должен сказать, что случай с Багдасаряном – не единственный. Около месяца назад кто-то напал на старшую медсестру пульмонологического отделения, ударил ее по голове и забрал сумочку. Правда, в тот раз она уже находилась за территорией больничного комплекса, но это дела не меняет. Сегодня утром, до встречи с вами, я имел неприятный разговор со следователем, который указал на очевидные прорехи в работе службы безопасности нашей больницы. Я уже делаю все необходимое для того, чтобы подобное не повторилось, но тем не менее прошу всех вас проявлять предельную осторожность, когда вы покидаете здание. Старайтесь ходить по двое, смотрите, кто следует за вами. Следователь сказал, что у Багдасаряна пропали бумажник и ключи. Еще он заметил: если преступник облюбовал больницу, то он снова может попытаться напасть на кого-то. Поэтому всем нам следует быть очень внимательными.

Покинув конференц-зал, я подождала Шилова, но он, очевидно, задержался, чтобы поговорить с Добровым с глазу на глаз. Взглянув на часы, я поняла, что операция в хирургии позвоночника начинается через двадцать минут, и медленно двинулась к лифту в надежде, что Олег может успеть меня догнать. Он не успел.

Я зашла к нему в кабинет только в конце рабочего дня. Шилов заполнял какие-то бумаги и поднял голову, когда я вошла.

– Ну как? – задала я вопрос.

– Армен в реанимации. Тяжелая черепно-мозговая травма. Господи, Агния, я не понимаю, что происходит – какая-то полоса несчастий!

– Ты прав, – вздохнула я, положив руку ему на плечо. – И твоему покойнику, значит, придется подождать: Армен, наверное, еще не провел вскрытие.

– Да уж, – вздохнул Шилов. – Судя по всему, ждать придется долго! Он ведь обещал все сделать быстро, а теперь... Кто станет торопиться исследовать причину смерти человека, которым никто не интересуется? Разумеется, в первую очередь займутся теми, чьи родственники подпирают дверь прозекторской!

У меня появилась идея.

– Слушай, может, выход и есть. Мне надо кое с кем поговорить. Встретимся дома, ладно?

– Хорошо, – согласился Олег. – В любом случае мне нужно еще поработать. Это займет пару часов, тебе нет смысла меня ждать.

Я уже собиралась выйти, как вдруг он поднялся со своего места и приблизился на опасно близкое расстояние. Его рука нащупала кольцо на моем пальце.

– Прости, что тебе приходится сейчас нелегко со мной, – тихо сказал он, наклоняясь к самому моему уху. Его теплое дыхание шевельнуло волосы у моего виска, и приятная дрожь прокатилась по всему телу. Я скосила глаза на небольшой дерматиновый диван, стоящий у стены: именно на нем чуть больше полугода назад состоялось наше близкое знакомство. Диванчик был маленький и неудобный, но тогда мне так не показалось. Да и сейчас я бы с удовольствием повторила эксперимент, но Олег внезапно отстранился.

– Ладно, – вздохнул он, – работать надо.

Я удрученно удалилась, оставив Шилова наедине с бумагами и компьютером. Вернувшись в кабинет, позвонила Леониду. Мы познакомились с Кадреску, патологоанатомом, также работающим в ОМР, тогда же, когда и с Лицкявичусом. Дозвонилась сразу. К моему удивлению, он, выслушав мою просьбу, тут же согласился ее выполнить. Что ж, может, Леонид и похож на графа Дракулу по глянцевой версии журнала «Космополитен», но в готовности помочь ему не откажешь! Кадреску сказал, что освободится через полчаса и сможет сразу же подъехать. В мою же задачу входило уломать заведующего патолого-анатомическим отделением позволить заезжему специалисту заняться вскрытием «нашего» трупа. С этим никаких осложнений я не предвидела. Завпатологией Яков Петрович Самойлов – отличный старичок,

падкий на лесть и обожающий женский пол. Выпивает он крепко, но дело свое знает, а потому ему многое прощается. Я знала, что он не выносит Шилова, а все потому, что тот, на его взгляд, слишком правильный. Кроме того, Олег – мужчина, следовательно, его чары в любом случае оказались бы бесполезны.

Чтобы заручиться согласием Самойлова, мне понадобилось десять минут и шоколадка, купленная в ларьке на первом этаже.

– Заходите к нам почаще, – напутствовал меня заведующий. Я широко улыбалась, а про себя думала: «Да не дай бог!» В конце концов, патолого-анатомическое отделение – не самое популярное место в больнице, и как раз сюда-то хотелось бы заходить как можно реже. Лучше будет, если вообще больше не придется!

Я встретила Леонида на стоянке и сразу же отметила, что у него новое авто – сиреневый «Пежо». Проследив за моим восхищенным взглядом, Кадреску пояснил:

– Красили на заказ. Первоначально она была голубой.

Кроме машины, ничего в Леониде не изменилось за те несколько месяцев, что мы не виделись. Он остался все так же привлекателен, несмотря на какую-то потусторонность во внешности. Непроницаемые черные глаза по-прежнему смотрели с высоты почти двухметрового роста не прямо на меня, а слегка в сторону, словно больше всего на свете Леонид боялся встретиться с собеседником взглядом, и от этого создавалось впечатление, что Кадреску равнодушен ко всему, что его окружает. Однако я уже имела возможность убедиться в том, что это отнюдь не так.

– Мы можем работать? – поинтересовался он.

Я кивнула.

– Сколько понадобится времени?

– Это зависит... – неопределенно пробормотал Леонид. – В общем, там видно будет.

Сначала я хотела позвать Шилова, чтобы он поучаствовал во вскрытии и сам услышал все от патологоанатома, но потом передумала: зачем зря его беспокоить? Лучше устроить беседу потом, имея на руках результаты.

Я уже второй раз за сегодняшний день спускалась в «подвал». На самом деле морг и операционные находятся на одном уровне, но здесь я всегда чувствую себя заживо погребенной, меня неизменно пробирает дрожь, а в горле встает неприятный комок. Видимо, именно таков на вкус страх перед смертью, встречаться с которой не хочется никому. Санитар, сидевший при входе, вытащил из ушей наушники, взглянул на письменное разрешение заведующего и, пожав плечами, словно говоря: ну, хозяин – барин, провел нас туда, где хранились тела, готовые к вскрытию.

– Так-так, Полетаев Сергей Дмитриевич... Где-то тут он должен быть, – копаясь около холодильника, бормотал парень. Я старалась держаться на безопасном расстоянии, а потому осталась стоять у самого входа. Смерть всегда казалась мне чем-то неестественным, поэтому я не хотела подходить ближе, чем это потребуется. В данном случае я была вполне уверена, что Леонид и без моей помощи прекрасно разберется. Холод пробирал меня до костей, а он, хоть и был одет в рубашку с короткими рукавами, казалось, чувствовал себя как рыба в воде.

– Ух ты! – выдохнул санитар, поворачиваясь лицом ко мне. На его веснушчатой физиономии застыло выражение изумления.

– Что? – спросила я, невольно подавшись вперед.

– Тут никого нет, – спокойно констатировал Кадреску.

– То есть как это нет? – переспросила я.

– Да вот так, – пожал плечами санитар. – Тела нет. Видимо, его выдали родственникам.

– Видимо?

Издавательский тон Леонида словно бритвой резанул по барабанным перепонкам.

– В вашей конторе никогда не слыхали про отчетность? – продолжал он. – Что значит «видимо»? Где документы?

– Да есть документы... наверное, – не слишком уверенно пробормотал санитар, напуганный напором патологоанатома. – Что вы на меня-то набрасываетесь? Мое дело маленькое – принял, погрузил, оприходовал. Это врачи бумагами занимаются, знаете ли, а у меня все четко: вот под этим номером должен был лежать ваш Полетаев, но его нет. На нет, как говорится, и суда нет!

– Хорошо, что ты про суд вспомнил, – спокойным тоном, в котором тем не менее ясно читалась угроза, заметил Кадреску. – Если окажется, что тело пропало, а потом объявятся родственники или другие заинтересованные лица, процесса вашей больнице не избежать!

Теперь уже нервно заерзала я: совсем недавно моя больница уже попала в центр громкого уголовного дела, до сих пор еще некоторые коллеги смотрят на меня косо. Они считали, что не следовало поднимать шум из-за происшествия с подменой эндопротезов, все можно было решить миром, не вынося, так сказать, сор из избы. А теперь получалось, что я снова могла стать инициатором скандала из-за пропажи тела из морга! Этого мне совсем не хотелось. Я не желала подставлять хорошего человека, заведующего патологией, который пошел мне навстречу и выдал разрешение на имя Леонида. Кроме того, я ведь пригласила Кадреску по собственной инициативе, даже не поставив в известность Шилова, которого это непосредственно касалось.

Каким-то невероятным образом поймав мой умоляющий взгляд (ведь он, следуя своей привычке, по-прежнему смотрел мимо меня), Леонид сбавил обороты.

– Ты можешь поискать документы о выдаче тела? – спросил он у санитара, смягчившись.

– Да вот ищу же я! – развел руками парень, разгребая страшный беспорядок на столе. – Вы же знаете, что тут у нас произошло?

Разумеется, он имел в виду нападение на Багдасаряна, поэтому мы с Леонидом кивнули почти одновременно.

– У Армена Вартановича всегда все в порядке, – продолжал ворчать санитар. – Но ведь есть и другие, вы меня понимаете?

– А можно узнать, проводил ли он уже вскрытие пациента или нет? – поинтересовалась я.

– Ну, раз документов нет, значит... Хотя погодите! Когда он должен был этим заниматься?

– Очевидно, вчера, – ответила я. – Или же вообще еще не приступал.

– Вчера дежурил Лавров, – потеряв переносицу, проговорил санитар. – Может, он в курсе?

– А мы можем с этим Лавровым как-то связаться? – спросил Леонид.

– У меня есть его мобильный номер. Сейчас...

Кадреску записал цифры на свою «Нокию».

– Простите, – вздохнула я, когда мы покинули морг.

– За что? – удивился патологоанатом. – Вы все сделали правильно: если бы не вы, пропажу тела вообще никто бы не заметил до того момента, как его востребуют родственники, а это, как мы оба с вами понимаем, было бы весьма нежелательно для больницы!

– Да уж, – согласилась я, представив, как люди ломаются в кабинет заведующего патологией, пытаясь выяснить, куда делся мертвый Полетаев, и угрожая судебным разбирательством. – Хотя, с другой стороны, вряд ли кто-то обратился бы за телом. Олег пытался найти близких Полетаева, но тот сам утверждал, что таковых не имеется!

– Значит, вы поступили вдвойне правильно, Агния, – отозвался Кадреску. – Если у человека нет никого, кто вступился бы за его интересы, пусть даже и после смерти, эту миссию взяли на себя вы. Никто не должен умирать в одиночестве.

Я с удивлением посмотрела на Леонида. Он никогда не казался мне человеком, способным на сочувствие. Очевидно, я ошибалась, хотя лицо патологоанатома по-прежнему сохраняло каменное выражение, несмотря на сказанные им слова. Станный все-таки человек этот Кадреску! Мои мысли вернулись к покойному, и я подумала, что страшно, наверное, умереть вот так, когда ты никому на свете не нужен. Никто не хватится, не станет обзванивать больницы и морги в надежде получить хоть какую-то информацию. И пусть, возможно, этот гражданин Полетаев сам виноват в том, что лишился семьи и друзей, он все же не заслуживал такого конца. Невольно пришла на ум цитата из книги Филдинг о Бриджит Джонс: «...я умру в одиночестве, и тело мое будут рвать на части бездомные собаки...»

– Не волнуйтесь, Агния, – говорил между тем Леонид. – Я свяжусь с этим Лавровым и все выясню. Если он ничего не сможет мне сказать, то я поговорю с вашим Самойловым. Дело плохо пахнет, я такое за версту чую, так что просто расслабьтесь и предоставьте его мне, ладно?

Я вздохнула с облегчением. Кадреску абсолютно надежен в том, что касается ответственного отношения к делу. Во время нашего общения он показал себя с самой лучшей стороны.

– А вашему будущему мужу пока не обязательно что-либо знать, – добавил патологоанатом. Я вспыхнула до корней волос. Значит, и он в курсе? Интересно, чьих рук, вернее, языка это дело – Вики или самого Лицкявичуса?

Прежде чем идти к Олегу, я, зная, что он все равно задерживается, заехала к маме: мне просто необходимо было поделиться с ней своей трагедией, каковой, несомненно, являлась безвременная кончина Людмилы. Только мама могла понять и утешить меня сейчас, ведь Шилов занят своими проблемами, связанными со смертью Полетаева.

Однако, едва я переступила порог собственной квартиры, мама встретила меня словами:

– Слава богу, ты решила все-таки зайти, а то я уж собиралась тебя вызванивать!

– Вызванивать? А что случилось?

– Да тут какая-то странная женщина заходила, – пожала плечами мама. – Бормотала что-то бессвязное, потом сказала, что ей нужно срочно возвращаться в Кронштадт...

– В Кронштадт?! Так это, наверное, была Людина тетя!

– Какая такая Люда? – спросила мама. – Ты мне ничего не говорила, не предупреждала... Да ты вообще в последнее время со мной разговаривать перестала, дочь: я сижу тут, какие-то люди приходят, а я вообще не в курсе! В общем, эта женщина передала тебе письмо. Я его, разумеется, не читала – оно запечатано, да и вообще я чужих писем не читаю, но, Агния, что происходит, скажи на милость? Это опять связано с твоим пресловутым ОМРОм, да? Знаешь, я бы предпочла, чтобы ты все-таки ставила меня в известность о том, чем занимаешься, чтобы я, принимая людей и звонки по телефону, не чувствовала себя полной дурой!

Не слушая маму, я вскрыла конверт и сразу же узнала почерк Люды: я списала у нее столько лекций в свою бытность в меде, что ни за что не смогла бы забыть руку своей подруги!

«Дорогая Агния, – писала она, – надеюсь, что мы встретимся, как и планировали, но у меня есть еще одно дело, которое нужно решить до того, как я смогу поговорить с тобой. Если все пройдет благополучно, то я все тебе расскажу. Если же со мной что-то случится – неважно что, – то обещаю присмотреть за Денисом. Он, конечно, считает себя взрослым, но может натворить немалых дел, оказавшись без моего пригляда. В общем, надеюсь, что ты никогда не прочитаешь это письмо. Целую, люблю. Люда».

Листок задрожал у меня в руке, и мама, все еще стоявшая рядом, с тревогой спросила:

– Что такое? Плохие новости? Ну, я как чувствовала, что эта тетка не к добру явилась! Странная такая, все оглядывалась, точно за ней черти гнались...

– Да нет, ма, – покачала я головой, сворачивая записку. – Она вовсе не странная, просто у нее большое несчастье случилось. И у меня – тоже.

Я рассказала о том, что произошло с моей подругой. Конечно, она вспомнила Люду, ведь мы иногда приходили домой, чтобы позаниматься вместе. Помнила она и ее сына, хотя видела всего однажды.

– Боже мой! – пробормотала мама, массируя пальцами виски. – Что же такое творится на свете?! Совсем еще молодая женщина... Что могло заставить ее покончить с собой?

– То-то и оно, мам, – вздохнула я. – Не верю! Мне нужно с кем-нибудь поговорить. С кем-то, кто...

И тут я вспомнила про Карпухина. Майор являлся координатором Отдела медицинских расследований от следственных органов со дня его создания. Лицкявичус, глава ОМР, доверял ему безоговорочно, как и каждый из нас. Да, конечно, гибель Людмилы не имеет никакого отношения к отделу, но Карпухин, по крайней мере, мог бы помочь мне выяснить, в каком направлении движется расследование. Едва эта мысль пришла мне в голову, как я начала успокаиваться. Единственное, что несколько удивляло и настораживало меня, так это скорый отъезд тети Оли. Неужели у нее внезапно образовались настолько неотложные дела, что она даже не стала дожидаться похорон племянницы? Почему письмо от Людмилы она не отдала мне сразу? А Денис? Парень теперь остался совершенно один, лицом к лицу со своим горем. Что там Люда писала в своем письме? «Присмотри за Денисом»? Очевидно, мне и в самом деле придется это сделать. Думаю, мальчик не будет в восторге. Но, по крайней мере, попытаюсь.

Карпухин согласился встретиться со мной рано утром в парке. Вот уж не думала, что майор старается вести здоровый образ жизни и бегают трусцой. Однако так и оказалось! Шилов давно пытается приучить меня к утренним или хотя бы вечерним пробежкам: сам он делает это регулярно, причем еще и серьезно занимается йогой и даже сам ведет группу на базе нашей больницы для коллег из медперсонала. Я же человек неспортивный. Нет, в детстве и юности чем я только не занималась – и легкой атлетикой, и фигурным катанием, даже в волейбол играла в юношеской команде. Но после рождения Дэна – как отрезало: любой спорт вызывает у меня почти что физическое отвращение.

Тем не менее ради майора Карпухина я решила поступиться своими принципами и достала с верхней полки большого встроенного шкафа старый спортивный костюм. Надела, разумеется, кроссовки, без которых, по моим представлениям, жизнь не имеет смысла. Кроссовки – моя любимая обувь, у меня их пар семь-восемь, практически на каждый день недели, разных фасонов и расцветок.

– Классный цвет! – похвалил обувь Карпухин. – Издали заприметил.

Это точно: такой канареечно-желтый цвет невозможно пропустить.

– Ну, побежали? – предложил майор.

– А может, не стоит? – кисло ответила я.

– Да бросьте, Агния, вы же в отличной форме, насколько я вижу!

– Вы ошибаетесь, бегаю я только по лестницам своей больницы...

– Ладно, хватит болтать! – отрезал майор и начал быстро набирать скорость. Поняв, что отвертеться не получится, я потрусила следом. Вот бы Шилову у Карпухина поучиться: ему так и не удалось заставить меня заниматься спортом, а майору понадобилась пара фраз, и вот я уже бегу за ним, как послушная собачонка. Правда, не надо забывать, что у него имелась для меня информация, а иначе только бы Карпухин меня и видел – в спортивном костюмчике и новеньких кроссовках!

– Держите дыхание, – поучительно сказал майор, когда я нагнала его. – Вы же не курите, верно? А чего такая дыхалка слабая?

– Слушайте, Артем Иванович, кто тут врач, а? – сердито пропыхтела я, чувствуя, как воздух с трудом вырывается из моих легких, а в боку уже начинается легкое покалывание.

– Хорошо-хорошо, – усмехнулся он, нисколько не запыхавшийся. – Ваше здоровье – ваше личное дело, доктор. Поговорим о деле вашей подруги. Его вел следователь Олымский.

– Что значит – вел? – уцепилась я за непонятное слово. Карпухин поморщился.

– А то и значит – дело закрыто.

– Как закрыто?! Да она же всего два дня назад умерла!

– Олымский решил, что налицо все признаки самоубийства. По словам родственников, врагов у Людмилы Агеевой не было, а вот с личной жизнью все обстояло довольно печально – вот, муж бросил...

– Да не бросил ее муж! – злобно перебила я, сверкая глазами. – Люда сама его выгнала, когда про любовницу узнала!

– На взгляд Олымского, это не имеет никакого значения, – на бегу пожал плечами Карпухин.

Как ни странно, я почувствовала, что дыхание стало ровнее, боль в боку прекратилась, теперь я уже без особого труда двигалась вровень с майором. Как сказали бы любители скачек, шли «ноздря в ноздрю».

– А этот Олымский видел записку, которую оставила мне Люда? – поинтересовалась я. – Там же ясно написано, что она вовсе не собиралась сводить счеты с жизнью!

– Вот тут вы ошибаетесь, Агния, – покачал головой майор. – Я отправил следователю письмо по факсу, и он как раз считает, что оно лишь доказывает версию о самоубийстве. Например, слова: «...если со мной что-то случится». Кроме того, она просит «приглядывать» за ее сыном. Олымский склонен воспринимать письмо как прощальное.

– Черт! – выругалась я и остановилась, подняв облако пыли на песчаной дорожке. Мамаша с ребенком в коляске, мирно шедшая по обочине в том же направлении, в каком бежали мы с Карпухиным, посмотрела на меня с осуждением, но мне сейчас было абсолютно наплевать.

– Спокойно, Агния! – предупредил майор. – Я же не говорю, что следователь прав. Возможно, он просто выдает желаемое за действительное? Вы же в курсе, какое количество дел приходится вести этим людям. Так чего же удивляться, что они радуются любой возможности списать очередную смерть на самоубийство, тем более что все на это и указывает?

– Вы не понимаете! – воскликнула я. – Дело не в том, что там прочитал между строк Олымский! Дело в самой Людмиле. Я расскажу вам одну историю. У нас с Мамочкой... с Людой то есть, есть общая подруга Лариска. Так вот, мы тогда практику проходили в больнице вдвоем в одном отделении. Там работал молодой привлекательный ординатор, и Лариска втрескалась в него по самые уши. Он вроде бы ответил на ее чувства. Ну, любовь закрутилась, как водится, а потом руководитель практики, сердобольный мужик, возьми да и скажи ей, что, мол, ординатор женат, двое детей у него, но он все равно ни одной юбки не пропускает и чуть ли не каждая вторая практикантка через его руки проходит. Открыл глаза, что называется! Лариска сдуру таблеток наглоталась. Мы с Людой нашли ее в белье. Это просто счастье, что Людмила тревогу подняла, а то так и померла бы, ведь в белье по вечерам никому делать нечего. Нашли бы утром уже трупик окоченевший, вот и сказочке конец! В общем, откачали мы Лариску. Люда устроила ей настоящее судилище: как она могла так поступить? О родителях подумала? О друзьях, обо всех, кто ее любит?

– Верующая была ваша подруга, да? – задумчиво спросил майор.

– Кто – Люда-то? Да нет, что вы! Она ни в бога, ни в черта не верила, только в торжество науки и победу разума над невежеством – так сама любила говорить. Просто считала, что ни один мужик на свете не стоит того, чтобы ради него в петлю лезть. Подумайте сами, Артем Иванович, стала бы она травиться газом в собственной машине накануне встречи с близкой подругой, бросив сына, в котором души не чаяла, ради бывшего мужа, которого сама же выну-

дила уйти, а? Кроме того, расстались они почти год назад, а умерла она сейчас. Как ваш Олимпийский это объясняет?

– Ну, очень просто: затяжная депрессия. Людмила, мол, так и не пришла в себя после развода, очень переживала, переживания накапливались как снежный ком, что и привело в результате к решению покончить с собой. Он, кстати, и заключение психиатра получил.

– Просто замечательно – какой запасливый мужик! – возмутилась я. – Лучше бы он с такой же дотошностью занялся выяснением обстоятельств, приведших к смерти Люды!

– Ну а сами-то вы что думаете, Агния? – спросил Карпухин, глядя на меня исподлобья. Я не могла понять, действительно ли его интересуют мои версии или он просто из вежливости дает мне выговориться.

– Что я думаю? – переспросила я. – Я считаю, что Люде помогли умереть – не знаю кто, не представляю почему. В общем, вы можете мне не верить, конечно...

– Да нет, я вам верю, Агния, – покачал головой майор. – И то, что вы говорите, имеет смысл. Я попробую вмешаться. Это кое-кому не понравится, но, полагаю, рискнуть стоит: ваша интуиция не раз нас выручала. Но меня тут кое-что смущает.

– Вы о чем? – насторожилась я.

– Видите ли, Агния, может оказаться, что вам не понравится, если все же удастся изменить квалификацию смерти вашей подруги с самоубийства на убийство.

– Почему?

– Да потому, что в машине, например, как и в самом гараже, обнаружили только два вида отпечатков пальцев. Одни принадлежат Людмиле, другие ее сыну.

– Разумеется! – подтвердила я. – Было бы странно, если бы в машине не было отпечатков пальцев Дениса, ведь они жили вместе.

– Ну да, ну да, – пробормотал Карпухин, и меня зацепил его тон.

– Что вы хотите сказать, Артем Иванович, – что Денис может иметь отношение к смерти собственной матери?!

– Между прочим, ваша подруга знала, что от него можно ожидать чего угодно. Помните, в записке об этом ясно говорится: «Он, конечно, считает себя взрослым, но может натворить немалых дел, оставшись без пригляда...»

Слова майора меня расстроили, но сдаваться я не собиралась.

– На вашем месте я бы все свое внимание обратила на бывшего мужа Людмилы.

– Вы его не любите, да? – спросил майор, испытующе глядя на меня.

Действительно, мы с Виктором всегда друг друга недолюбливали. Во-первых, я считаю его снобом: мужу Люды не нравилось наше с ней общение. Он находил меня неподходящей компанией для жены, ведь мы жили гораздо беднее, Славка почти не работал, я и мама крутились как белки в колесе. В отличие от нас Агеевы благодаря отличным заработкам Виктора считались чуть ли не сливками общества. Приходя домой к Людмиле, я частенько ловила на себе неприязненный, даже, пожалуй, подозрительный взгляд ее мужа. Мне казалось, что он следит за мной, опасаясь, что я могу ограбить их холодильник или умыкнуть серебряные ложки. Но у меня имелись и другие основания для плохого отношения к Виктору Агееву, и они носили не личный характер. Люда частенько жаловалась мне, что муж имеет дело с отвратительными людьми, настоящими бандитами. Будучи адвокатом по уголовным делам, он сделал себе громкое имя, защищая тех, кого правоохранительным органам с таким трудом удастся привлечь к ответственности. Виктор Агеев заслужил славу этакого «громобоя», потому что легко разбивал в пух и прах доказательства, полученные следствием, и его подзащитные вновь оказывались на свободе, чтобы продолжать безнаказанно творить беззаконие. Люда говорила, что ее мужу удавалось успешно отмазывать клиентов не только благодаря собственной гениальности: Виктор не гнушался давать взятки, пользовался «телефонным правом» и даже шантажом. Наверное, так и должен поступать хороший адвокат – делать все возможное и невозможное для защиты

клиента. Но мне всегда казалось, что человек, действующий точно так же, как и сами бандиты, не может считаться порядочным, каким бы профессионализмом он ни прикрывался. Тем не менее я ответила Карпухину на его вопрос:

– Дело не в том, что я не люблю Виктора. Я, если хотите знать, буду только рада, если окажусь неправа. Но вы, Артем Иванович, спрашивали о моей версии происшедшего, и я вам ее изложила.

– Ладно-ладно, не горячитесь! – усмехнулся майор. – Разберемся.

Не скрою, мне стало гораздо легче, когда он это сказал: теперь я чувствовала, что уже не одна барахтаюсь в деле Мамочки, захлебываясь от недоумения. Кто-то согласился меня поддержать.

Дэн никогда раньше не бывал в подобных домах. Нет, не домах – особняках, если выражаться точнее. Его отец тоже отстроил неплохой загородный домик, но сооружение, которое парень видел перед собой сейчас, иначе как поместьем и назвать было нельзя. Огромное двухэтажное здание с гранитными колоннами и бесчисленными балкончиками окружал высокий кирпичный забор с резными чугунными воротами, по сравнению с которыми бледнела знаменитая решетка Летнего сада.

Дэн приехал в элитный поселок на автобусе, а потом прошел около километра пешком: маршрутки тут не предусматривались, так как все без исключения здешние обитатели имели машины. Видимо, предполагалось, что и посетители у них соответствующие. Дэн вспомнил об обещании отца подарить ему машину по окончании первого курса – в случае, разумеется, если он закончит год успешно. В ожидании этого он даже пошел на курсы вождения. Мама и бабушка высказывались против: рано, мол, в столь юном возрасте за баранку садиться, ветер еще в голове, осторожность на нуле, инстинкты тоже. Но кому нужны эти женские охи да ахи, когда впереди маячит призрак новенькой иномарки? Опять же даже у Вики есть машина, а он что, рыжий?

Позвонив у ворот, Дэн услышал голос, вопрошающий о цели визита. Затем ворота стали медленно открываться, и теперь Дэн мог уже оценить вид особняка Полины Пятницкой во всем его великолепии. Если честно, само здание показалось парню слишком претенциозным. «Она бы еще ров вырыла по периметру!» – поморщился он, входя на довольно, кстати, небольшую территорию. Оно и понятно: земля в этих краях дорогая, едва-едва хватает, чтобы поставить дворец «скромных» размеров.

Дверь открыла пожилая горничная в униформе. Дэну снова показалось, что он находится где-то в Запределье, где проживают люди, не имеющие ничего общего с теми, с кем он общался каждый день. Горничная вежливо улыбнулась и сообщила, что «хозяйка ожидает в гостинной». Ну и стоило устраивать сыр-бор с революцией, чтобы через некоторое время народ снова поделился на хозяев и слуг?!

Дэна провели в просторную гостиную. Она показалась ему слишком темной и мрачноватой для того, чтобы чувствовать себя здесь комфортно. Тяжелые портьеры оставляли лишь небольшие просветы, впуская тусклые лучи с улицы. Стены оказались увешаны многочисленными фотографиями, соседствовавшими с парой-тройкой пейзажей, написанных акварелью, и большим, в половину стены масляным портретом владелицы дома. Дэн ужаснулся буйству красок и вульгарности изображения: создавалось впечатление, что художник, когда работал над картиной, был пьян. Рама, обрамлявшая портрет, казалось, принадлежала какой-то другой картине.

– Ужасно, да? – услышал Дэн глубокий мелодичный голос и обернулся. Этот голос знала вся страна, несмотря на то, что его обладательница сошла с экрана несколько лет назад вместе со своей передачей.

– Давно хочу снять, но стена немного выцвела, поэтому держу пока, – продолжала Полина, приближаясь с грацией сытой кошки.

Теперь женщина стояла совсем близко, и Дэн сумел цепким взглядом художника охватить ее всю. Мама права: Полина выглядела никак не моложе пятидесяти, хотя следовало признать, что фигуру она сохранила отменную. Злые языки утверждали, что в теле телеведущей не осталось ничего натурального, везде, где положено находиться жиру и мясу, закачан силикон. Что ж, может, и так, но, глядя на Полину, Дэн видел лишь блестящий результат, а о том, что там внутри, задумываться смысла не имело. Голубое шелковое платье красиво обволакивало фигуру, открывая длинные, накачанные ноги чуть ниже колена.

– Надо же, какой лапочка! – промурлыкала Пятницкая, проводя длинным пальцем по щеке Дэна. – Мне не говорили, что художник такой красавчик!

Парень привык к женскому вниманию: надо быть полным идиотом, чтобы к восемнадцати годам не изучить досконально собственное отражение в зеркале. Тем не менее он смутился – видимо, виной тому был почтенный, по его меркам, возраст Пятницкой.

К счастью, Полина не стала углубляться. Вместо этого она сказала вполне деловым тоном:

– Зато мне говорили, что ты талантлив и умеешь, как бы это выразиться... скрыть недостатки и подчеркнуть достоинства модели. Именно это мне и требуется.

– Почему вы выбрали меня? – спросил Дэн, уже окончательно придя в себя после того, как хозяйка дома осмотрела его, словно жокей лошадь перед дерби. – Разве мало художников, которые с удовольствием приняли бы заказ от... такой известной женщины?

Полина слегка нахмурилась. Глубокая складка пролегла у нее между бровей, и, словно почувствовав это, ведущая стала тщательно растирать переносицу, расслабив мышцы лица. Казалось, она решает для себя, стоит ли доверять Дэну.

– В общем, так, – произнесла она после недолгой паузы. – В моих силах сделать из тебя «звезду», парниша, но точно так же я могу навсегда закрыть для тебя двери в те дома, где ты мог бы получить хорошие заказы и, соответственно, большие гонорары. Мы друг друга поняли?

Дэн кивнул. В словах Полины звучала неприкрытая угроза, но он пока не сообразил, к чему она. Женщина тут же ответила на невысказанный вопрос.

– Я выбрала тебя вовсе не потому, что ты, малыш, самый гениальный художник в Питере. Ну, не надо хмуриться: возможно, со временем так оно и случится, но пока что ты – всего лишь мальчик, нарисовавший пару-тройку удачных картинок, и картинки эти попали к правильным людям, то есть тем, у которых имеются соответствующие связи и вес в обществе, в котором я вращаюсь. Главное достоинство, ценимое в этом обществе превыше всего, это умение держать язык за зубами.

До Дэна стало постепенно доходить, о чем говорит Пятницкая, но он все же решил выслушать до конца.

– Так вот, – продолжала между тем она, – мне нужен хороший художник, который к тому же не станет распускать язык. Я, наверное, кажусь тебе старой, да?

Дэн попытался слабо протестовать, но Полина прервала его попытки царственным взмахом руки.

– Да ладно, не будем лицемерить! Тебе сколько – двадцать? Меньше? Господи, спаси и сохрани... Тогда я уж точно кажусь тебе древней старухой. Но все очень скоро изменится. Мне предложили возобновить проект «Запретные темы», причем на одном из основных каналов и гораздо с большим размахом. Единственное условие – я должна выглядеть на все сто, понимаешь? Как раз сейчас я этим и занимаюсь, и через несколько месяцев ни одна зараза не посмеет сказать, что «Пятницкая сильно сдала» или «Пятницкая уже не та, что прежде».

Дэн начал понимать, в чем заключается притягательность этой женщины. Точно не во внешности, хотя в свое время Полина дала бы фору многим современным ведущим, ныне считающимся идеальными красотками. Нет, в этой женщине есть какая-то внутренняя сила, неис-

сякаемый источник энергии, которая передается на расстоянии, даже через экран телевизора. И сейчас, стоя рядом с Полиной, Дэн не мог не ощутить этой силы.

– Хороший мальчик, – одобрительно улыбнулась Полина, обнажая ровные белые зубы. – Время идет, и оно никого не красит. К счастью, сейчас появились возможности, которых не было каких-нибудь двадцать или тридцать лет назад. Я снова окажусь в седле, и ты можешь от этого очень сильно выиграть, если поведешь себя правильно.

– Вы хотите, чтобы уже сейчас я сделал ваш портрет таким, какой вы собираетесь стать? – предположил Дэн. – И об этом никто не должен узнать?

В глазах Пятницкой промелькнуло изумление. Дэн почувствовал, что интерес Полины, первоначально вызванный лишь его симпатичным фасадом, перешел в другую плоскость.

– А у тебя еще и мозги работают в нужном направлении! – развела она руками. – Просто находка... как тебя? Дэн? Думаю, мы с тобой сработаемся, Дэн, – это в наших общих интересах.

Дэн вытащил из спортивной сумки, до того стоявшей у его ног на полу, фотокамеру. Полина ощерилась, словно кошка, увидевшая пса.

– А это еще зачем? – недовольно спросила она.

– Когда я пишу портрет, я всегда делаю несколько снимков, – пояснил Дэн. – Мне нужно понять структуру лица, поймать самый выигрышный ракурс. В общем, пленка покажет, как лучше вас писать.

Полина призадумалась, но ненадолго.

– Ладно, – кивнула она, – делай свои снимки. Только уговор: они не покинут пределов этой комнаты. Работать будешь тоже здесь – в смысле, в моем доме. Если тебя не устраивает гостиная, найдем что-нибудь другое, но твою работу никто не увидит до тех пор, пока не сочту нужным я. А потом, если все сложится удачно, я обещаю тебе, малыш, что твою картину увидят все, и я уж позабочусь о том, чтобы они узнали имя нового молодого дарования. Так мы договорились?

– Договорились! – твердо ответил Дэн, и на лице Полины Пятницкой вновь проскользнула едва уловимая улыбка, словно она признавала: они с Дэном – два заговорщика, собирающиеся натянуть нос всему миру.

Звонок Лицкявичуса застал меня врасплох. Я сидела в буфете в перерыве между двумя операциями, когда затрезвонил мобильник. Как обычно, глава ОМР не стал вдаваться в подробности дела, по которому хотел меня видеть, и даже не поинтересовался моими планами и возможностями. Он лишь сказал, что мне нужно приехать в офис ОМР к восьми часам вечера.

Повесив рубку, я спросила себя, не совершила ли ошибку, подписывая трудовой договор с Лицкявичусом. Раньше я имела полное право отказаться от выполнения его приказов, так как работала исключительно по зову сердца и из спортивного интереса. Теперь же, являясь штатным сотрудником, отказаться не могла. Мне даже пришлось попросить Охлопкову сократить мне ставку, чтобы я могла успевать работать по совместительству. К моему удивлению, с ее стороны это не вызвало ни малейших возражений. Возможно, она с уважением отнеслась к моим обстоятельствам или, что гораздо более вероятно, кто-то с самого верха предупредил ее о том, что не стоит чинить препятствий Агнии Смольской, сотруднику Отдела медицинских исследований при Губернаторе Санкт-Петербурга.

Сегодня мне особенно не хотелось никуда ехать. Олег в полном раздрае, несмотря на то, что никто, даже Главный, не винит его в смерти пациента Полетаева. Я хотела этим вечером побыть с Шиловым и попытаться поднять ему настроение. Кроме того, у меня самой имелись веские причины, чтобы провести вечер дома: завтра похороны Людмилы, и я, разумеется, не могла не пойти. Об этом мне сообщил Денис. Он был немногословен, что вполне понятно, и лишь сказал, что позвонил мне, так как «маме этого бы хотелось». Интересно, появится ли

на похоронах Виктор? Естественно, Лариска идет со мной, ведь Людмила была и ее подругой, более того, жизнь ей спасла.

Так вот, перед похоронами мне просто хотелось помедитировать в теплых объятиях Олега, вспомнить Людмилу и наши студенческие годы и набраться сил перед завтрашним тяжелым испытанием. Нет же, Лицкявичусу вздумалось выцарапать меня именно сейчас, когда я совершенно не склонна к беседам!

Более того, сегодня я сходила навестить Багдасаряна. Он лежит как раз в моем отделении, но вырваться к нему я смогла только около двух часов дня. Надо сказать, визит меня не порадовал: Армена ввели в искусственную кому во избежание осложнений. Дежурная врач поведала мне, что приглашены специалисты из Поленовского института: у пациента обширные гематомы в области черепа, одна из которых, вероятно, давит на глазной нерв, что может привести к слепоте, временной или даже постоянной, при неблагоприятном исходе дела. Если «поленовцы» решат, что Багдасаряна можно транспортировать, то его, скорее всего, переведут из нашей больницы для дальнейшего лечения. Понадобится операция, и, возможно, даже не одна. От той же дежурной я узнала, что Шилов уже приходил, вчера и сегодня, поэтому я могла себе представить, в каком настроении застану его дома. С другой стороны, визит в бизнес-центр «Волна», где располагается офис Лицкявичуса, – не такая уж плохая идея. Два человека в ужасном настроении под одной крышей – это ли не катастрофа?

В пять минут девятого я уже входила в офис ОМР. Вика, как обычно, сидела за столом в окружении своих компьютеров. Я никогда не понимала, зачем ей сразу несколько, но не спрашивала – ведь все равно не пойму, если девушка надумает пуститься в пространные объяснения.

– Агния, привет! – радостно щебетнула она и кивнула через плечо в сторону кабинета Лицкявичуса: – Они уже там.

Постучав, я вошла. Лицкявичус сидел на столе, держа в руках какую-то папку. Напротив расположился Леонид. Третьим человеком оказался Никита, который сразу же радостно меня поприветствовал.

– Рада тебя видеть, – честно призналась я, обнимая молодого человека. – Не думала, что ты работаешь с нами.

– Ну, – ухмыльнулся он, – ты же знаешь: куда Андрей Эдуардович, туда и я!

Никита, можно сказать, спас меня около месяца назад. Я вела расследование в Светлогорской больнице, куда меня подослали в качестве медсестры, и едва не поплатилась жизнью за то, что узнала.

Совершенно естественно, мне было приятно, что Никита снова с нами.

Лицкявичус посмотрел на меня обычным немигающим взглядом прозрачно-синих глаз. Очевидно, он собирался заметить, что я опять опоздала, но почему-то не стал. Вместо этого он вдруг сказал:

– Мне очень жаль вашу подругу. Правда, – тут же добавил глава ОМР, словно боясь, что я могу ему не поверить.

– Вам Карпухин рассказал?

Лицкявичус коротко кивнул.

– Поэтому мы не хотели вас беспокоить, пока не стало ясно, что дело передают нам, – сказал он. – Так как один из случаев имел место именно в вашей больнице, Агния, мы решили, что ваша помощь может пригодиться.

Я насторожилась.

– Какой такой случай?

– У вас из морга пропало тело, – пояснил Лицкявичус. – Как выяснилось, он не единственный исчезнувший покойник. Мы считаем, что между этими людьми есть связь, причем она может иметь отношение к нашей специализации.

– Вы думаете, имели место врачебные ошибки? – спросила я, мельком взглянув на Леонида. Тот, как обычно, сидел с безразличным видом. Создавалось впечатление, что происходящее нисколько не интересует его, однако я знала, что патологоанатом внимательно прислушивается к каждому слову. Ну, привычка у него такая – напускать на себя отсутствующий вид.

– Пока не уверен, – ответил мне Лицкявичус. – Однако есть кое-что общее. Два пациента умерли в больнице. Еще одного отвезли в городской морг, куда свозят всех неопознанных. Похоже, все они – деклассированные элементы, то есть не имели определенного места жительства и родственников в Питере. Все умершие – мужчины от пятидесяти до шестидесяти пяти лет. Смерть, судя по предварительному диагнозу, у всех наступила вследствие быстрого развития газовой гангрены.

– Это неудивительно, – заметила я. – Учитывая соответствующий образ жизни...

– Все так, – согласился Лицкявичус. – И все же у нас есть основания для сомнений.

– Какие же, например? – удивилась я.

Леонид, до сей поры молчавший, внезапно заерзал на своем стуле, словно напоминая о своем существовании. У него получилось: головы присутствующих повернулись к патологоанатому.

– Например, – пояснил он, глядя на стену где-то у меня над головой, – одного из покойников после неудачной операции забрал из больничного морга его брат.

– И это вы считаете... странным?

– Да, – кивнул Леонид. – Потому что у него нет и никогда не было брата: Карпухин пробил его по базе. Мужик пару раз привлекался за мелкие правонарушения, и о нем известно практически все. Есть бывшая жена, даже двое детей, мать где-то в Тверской области, но ни сестер, ни братьев – увы!

– Интересно, – пробормотала я. – А другие?

– Ну, второй вообще пропал – это Полетаев, как вы понимаете. А третий... Третьего подобрала на улице труповозка.

– Значит, этот человек вообще умер не в больнице? – уточнила я.

– Да, но его тело каким-то магическим образом исчезло из городского морга, куда свозят всех бомжей и алкашей, собранных в разных местах города.

– Исчезло? – переспросил Никита, и я обрадовалась, что теперь являюсь не единственной в этой комнате, кто задает вопросы.

– Его, как бы это помягче выразиться, потеряли, – подтвердил Лицкявичус. – То есть нам сообщили о том, что найден труп и что это, возможно, тоже наш случай, однако как только мы пришли в морг, выяснилось, что покойника нет – понимай как знаешь!

– А с чего они вообще решили, что это – наш случай? – поинтересовалась я.

– Тоже газовая гангрена. Судя по первичному осмотру, имелось легкое ножевое ранение...

– Вот! – перебила я. – Чего же тут внезапного? Инфекция...

– Ранение легкое, – пояснил Лицкявичус. – И смерть слишком быстрая.

– Кто вызывал «Скорую»? – спросила я.

– Приятели этого Голикова, покойного. По их словам, они мирно выпивали, сидя на детской площадке. Время было позднее, вокруг – ни души. За несколько часов до этого у них состоялась небольшая потасовка с конкурирующей группой, также претендующей на площадку, во время которой Голиков и получил ранение в бедро. Улеглись спать прямо там, на лавочках, а наутро Голиков не проснулся. На боль в ране он не жаловался, что характерно, а ведь гангрена – не шутки! С другой стороны, находясь под парами, он мог и отключиться.

Я задумалась.

– Значит, Андрей Эдуардович, вы хотите сказать, что у нас нет ни одного трупа для исследования? – сказала я наконец. – И тем не менее дело, как вы говорите, передают в ОМР? А с чем, простите, мы должны иметь дело? Как говорится, нет тела – нет дела.

– Вот тут нам и понадобится ваша помощь, Агния, – кивнул Лицкявичус, давая понять, что именно сейчас пойдет разговор о самом серьезном. – Вам придется побеседовать с завом патологии, не поднимая лишнего шума. Нам совсем не нужно, чтобы больница вновь начала бурлить, ведь пока неизвестно, имеем ли мы дело с криминалом или с обычной небрежностью в работе.

– Для небрежности чересчур! – фыркнул Леонид.

Зная, насколько он дотошен в отношении мельчайших деталей, я понимала его скептицизм, но нельзя судить обо всех по себе.

– И все же, – спокойно закончил Лицкявичус, – пока не станем гнать волну. Ваша задача, Агния, выяснить, куда подевался труп гражданина Полетаева. Разумеется, это мог бы выяснить и Карпухин, но, как я уже сказал, преждевременный скандал с вмешательством людей в форме нам не нужен. Кроме того, насколько я знаю, у вас хорошие отношения с Самойловым, вот и попробуйте его, только аккуратно, без фанатизма.

– А санитар Лавров? – спросила я, обращаясь к Кадреску. – Вы смогли с ним поговорить, ведь это он дежурил, когда предположительно пропало тело Полетаева?

– Смочь-то я смог, – раздраженно ответил Леонид, – да только ничего путного добиться не сумел. Парень твердит, что никого не видел и ничего не знает – ну уж это как водится! У меня есть подозрение, что он темнит. Кстати, не удивлюсь, что он пропустил бы и вторжение Наполеоновской армии: похоже, этот Лавров поддает хорошенько, вполне мог проспать все на свете, особенно без контроля Багдасаряна.

Имя нашего патологоанатома он произнес с уважением, давая понять, что презирает далеко не всех работников отделения. Я знала, что Армен имел вес в профессиональной среде. Именно он считался самым вероятным преемником Самойлова после выхода того на пенсию, куда, честно говоря, ему давно пора бы уже отправиться и дать дорогу молодым. А теперь вообще неизвестно, вытянет ли Армен после того, что с ним случилось!

Вернувшись домой, я застала Олега за чтением. Обложившись невероятным количеством фолиантов, он внимательно изучал содержание книги, лежащей перед ним на столе. Я впервые видел Шилова в очках для чтения, и это показалось мне удивительно трогательным и даже сексуальным.

– Привет, – бросил он, не оборачиваясь. – Тебе надо было позвонить, я бы разогрел ужин.

Я перекусила бутербродами у Лицкявичуса: понимая, что все мы придем после работы и будем голодны, он приготовил для нас чай.

– Я поела, – сказала я и, перегнувшись через плечо Шилова, посмотрела, что он читает. Это оказался один из томов Большой медицинской энциклопедии Петровского.

– И сколько ты уже изучил? – поинтересовалась я. Она выходила в двадцати девяти томах, и все они, похоже, свалены здесь, на столе!

– Я просто пытаюсь понять...

– Понять что? Почему умер Полетаев?

Олег поднял голову и с удивлением уставился на меня. Я поняла, что невольно проболталась, но было уже поздно.

– Я не говорил тебе... Откуда ты узнала его имя?

Я лихорадочно обдумывала ответ. Лицкявичус просил меня пока не распространяться о деле даже в среде самых близких, но и проигнорировать вопрос Шилова я не могла.

– В общем, – сказала я, – это очень большой секрет, но, возможно, ты в своей энциклопедии ничего не найдешь, Олежка. Может так случиться, что твой пациент не единственный,

кого постигла подобная участь. Это значит, что тебе не стоит пока терзать себя и думать, что именно твои неправильные действия привели к такому исходу.

Олег снял очки и потер переносицу.

– Значит, опять ОМР? – спросил он обреченно. – Ты приняла предложение?

Я не говорила Шилову, что уже подписала официальное заявление о приеме на работу, решив, что признаюсь после свадьбы. Зная, как он относится к моей работе с Лицкявичусом, я не хотела его волновать – пока. Поэтому лишь кивнула.

– Надеюсь, ничего опасного? – вздохнул он.

– Что ты, сущая ерунда!

– Ага, ты всегда так говоришь, а потом мы неожиданно встречаемся в больнице, только ты там не работаешь, а лежишь как пациентка!

– Ну, в этот раз не дождешься! – улыбнулась я, игриво взъерошив волосы Олега. – Дело о пропаже трупов не может быть опасным, они же уже свое отбегали!

В двух словах я описала Шилову ситуацию. На протяжении всего моего монолога он не переставал озабоченно хмуриться.

– Знаешь, – проговорил он, когда я закончила, – Армен всегда жаловался, что санитары в отделении здорово поддают, впрочем, как и многие врачи. Сам Армен капли в рот не берет, но даже Самойлов редко бывает трезв. Неудивительно, что кто-то забрал покойника, а они и не заметили, как и когда это произошло. Наверное, нарисовались-таки родственники у этого Полетаева, а? Хотя он утверждал, что нет у него никого... Кому еще, черт подери, мог понадобиться труп бомжа?

– Понятия не имею, – честно ответила я. – Карпухин обещал пробить всех троих по базе и выяснить все подробности. Сейчас этим занимается.

– Кстати, – задумчиво пробормотал Олег, – ты знаешь, возможно, Полетаев и в самом деле сидел в тюрьме!

– Он тебе успел рассказать? – удивилась я.

– Нет, но у него на внутренней стороне запястья я заметил занятную татуировку – что-то похожее на букву «Р». И еще цифра «6».

– Может, с этой буквы начиналось имя его бывшей жены? Или шестой жены? Или любовницы? Или собаки? – предположила я. – Чего тут особенно занятного?

– Да, понимаешь, буква эта, она... готическая, кажется.

– Вряд ли он имел отношение к готам, – отозвалась я.

– Да уж, возраст не тот! – согласился Олег. – Даже странно, вся в завитушках буква... А Полетаев ведь бомжевал, насколько я понимаю, значит, вряд ли ходил в салон.

– Может, в молодости сделал? Не всегда же, в конце концов, он был бездомным и нищим!

– Вряд ли татуировка сделана давно, – возразил Шилов. – Она выглядела вполне свеженькой. Значит, скорее всего, тюремная, и сидел он недавно.

– Что ж, возможно, ты и прав. Обязательно расскажу об этом Карпухину!

Шилов захлопнул книгу и встал.

– Извини, что со мной в последнее время не очень весело, – сказал он, притягивая меня к себе и целуя в макушку. – Все приготовления к свадьбе свалились на тебя одну.

Свадьба... Черт! Вот уж не думала, что со всеми этими проблемами совершенно забуду о таком важном событии в своей жизни! Как раз сегодня, если не ошибаюсь, мне нужно было подтвердить бронь на банкетный зал и внести залог, но я этого не сделала. И что теперь делать? Может, еще не поздно съездить завтра? Ах нет, завтра ничего не выйдет: Люду же хоронят, потом мне на работу, а потом на дежурство...

– О чем задумалась? – спросил Шилов.

– Да так, ни о чем, – ответила я. Но Олега никогда нельзя было упрекнуть в недостатке чувствительности: он уже понял, что со мной что-то происходит, пусть и с большим опозданием.

– Нет уж, ты Расскажи мне, пожалуйста, – потребовал он, приподнимая мое лицо так, что оно оказалось на уровне его глаз. – Какие-то неприятности? Со свадьбой или на работе?

– Ни с тем, ни с другим, – покачала я головой. – Дело в моей подруге. Она умерла.

И я вывалила на Олега информацию о Мамочке, ее сыне и бывшем муже, о предсмертной, если можно так выразиться, записке и о завтрашних похоронах. Шилов слушал меня, вытаращив глаза.

– И ты молчала?! – пробормотал он, как только поток моей речи иссяк.

Я сидела на диване, чувствуя себя надувной куклой, из которой внезапно выкачали весь воздух. Не хотелось шевелиться, не хотелось больше ничего объяснять. Да, вышло так, что о моем несчастье знали все, включая Карпухина и Лицкявичуса, и только самый близкий человек не имел об этом ни малейшего представления!

– Ну почему, почему же ты ничего мне не сказала?

– Потому что у тебя и у самого полно неприятностей из-за Полетаева, – тяжело вздохнула я. – Я хотела рассказать в тот же день, когда узнала о смерти Люды, но оказалось, что у тебя тоже проблемы, и я решила их не смешивать.

– Ты хочешь сказать, что я вел себя как эгоист? – тихо спросил он.

Я не сочла нужным отвечать, и Шилов ответил сам:

– Да, видимо, так оно и было!

– Да брось, – отмахнулась я, – ты же не обязан читать мои мысли.

– Нет, обязан! – возразил Олег, наконец присаживаясь рядом со мной. Ощущение его плеча в непосредственной близости от моего действовало успокаивающе. – Но и ты не должна решать за нас обоих, что мне следует знать, а чего нет: позволь мне определять это самому. Если бы ты все мне рассказала с самого начала, тебе не пришлось бы копить эмоции, не давая им выхода. Мне стало гораздо легче, когда я рассказал тебе о смерти пациента, и тебе, поверь, тоже сразу полегчало бы, если бы ты выложила все начистоту. Я ведь видел, что с тобой что-то происходит, но не стал допытываться – думал, сама все расскажешь, когда будешь готова.

– Ну вот, теперь я готова и все тебе рассказала, – пробормотала я. – Завтра иду на похороны, в одиннадцать часов. Уже отпросилась у Охлопковой на первую половину дня.

– Мне пойти с тобой? – мягко спросил Шилов.

– Нет, спасибо, – отказалась я. – Ты там никого не знаешь, будешь чувствовать себя не в своей тарелке. Мне правда легче переживать одной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.